

ШУРЪЗВЪСНЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 23 1928 40

Н. И. МИШЕЕВЪ

И. Я. БИЛИБИНЪ

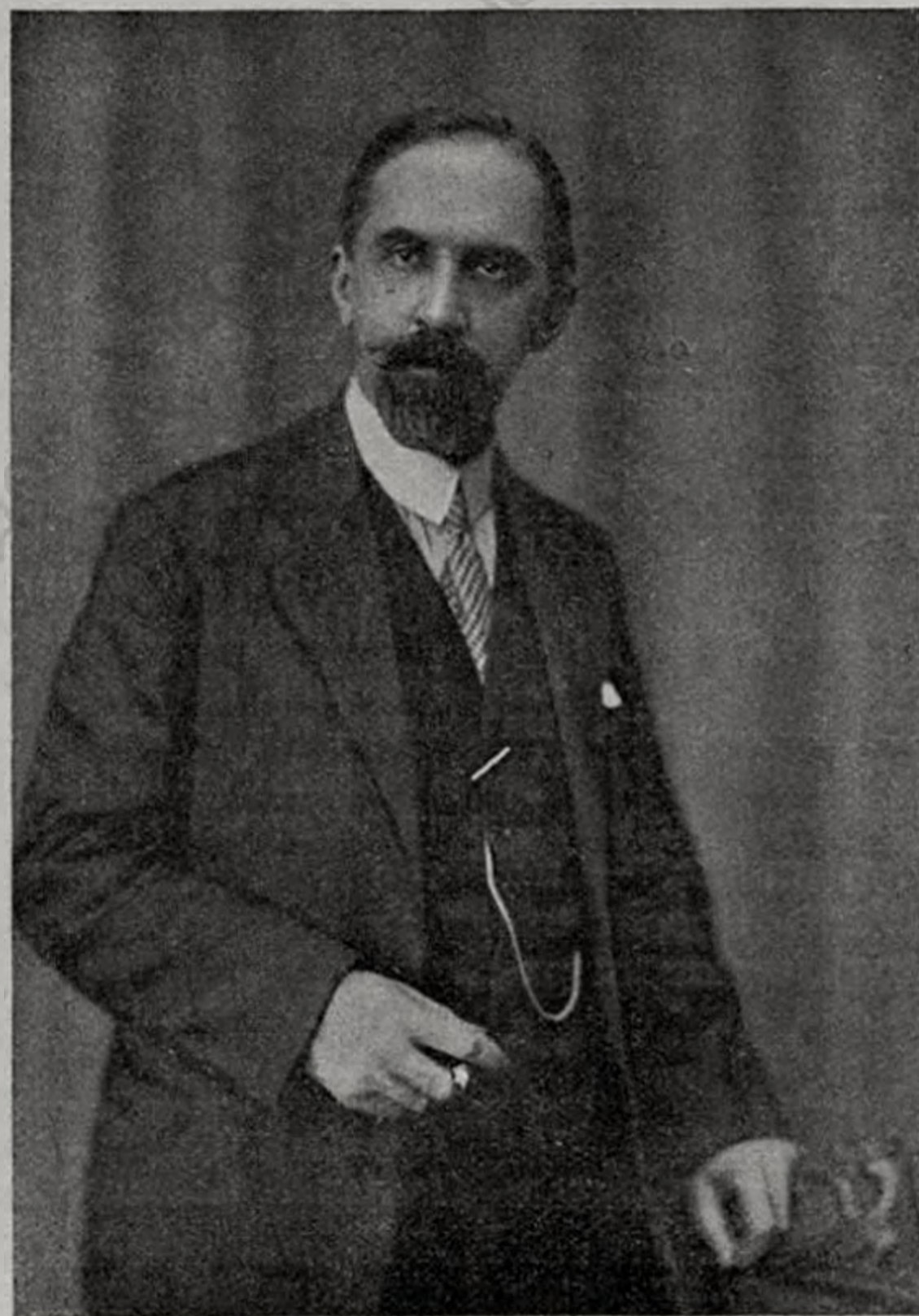
Сейчасъ Западъ очень заинтересовался „русской душой“.

Конечно, пресловутый градь здѣсь доминирующую роль. — „Какъ это возможно, что на Святой Руси выросъ такой „мухоморъ“? Значить, народъ ничего не имѣетъ противъ? Слѣдовательно, русскій человѣкъ, по природѣ, — анархистъ, для котораго никакихъ вообще цѣнностей не существуетъ?..

Вспомнили, что Ницше въ свое время призналъ Достоевскаго единственнымъ своимъ учителемъ въ созданіи ученія „о позволеніи всего“... Конечно, обратились къ Достоевскому, нашли у него большія слова: „до меня еще ни у кого не было такой силы отрицанія“, и приняли „русскую душу“ исключительно по односторонне понятому Достоевскому. Къ сожалѣнію, современность російская давала во многомъ подходящій тому матеріаль.

Такимъ путемъ и появилась „русская душа“ на Западѣ. Досужіе европейскіе романисты, драматурги и журна-

большевизмъ сы-

И. Я. Билибинъ

листы взялись за изученіе этой „русской души“, и обрисовалась она предъ ними въ видѣ чего-то, въ высшей степени, несуразнаго,

больного, надломленнаго, неспособнаго къ устроению жизни на твердыхъ началахъ, лишеннаго какой-либо склонности къ синтезу.

И никому въ голову не пришло, никто изъ этихъ „ислѣдователей“ не задумался, какимъ же образомъ такая душа создала величайшее въ мірѣ государство съ міровой исторіей, и какъ изъ такой души вышли гениальныя произведенія искусства, которымъ удивляется весь культурный міръ...

Когда я сидѣлъ въ громадной парижской мастерской И. Я. Билибина и разсматривалъ одну за другой послѣднія работы художника, слушалъ въ молчаніи ночи его рассказы о своей жизни, дѣятельности, вспоминалъ рассказы другихъ объ интересѣ къ его вещамъ со стороны иностранцевъ, то мнѣ ясной становилась та огромная культурная и художествен-

И. Я. Билибинъ

Звѣздочеть предъ царемъ Салтаномъ

ная работа, которую дѣлалъ мой талантливый соотечественникъ, и которая въ глазахъ этихъ иностранцевъ поднимала престижъ Россіи, выявляя предъ ними ея подлинный ликъ.

Сейчасъ, какъ никогда, намъ ясно, что Россія — это прежде всего народъ, что спасеніе Россіи пойдетъ отъ народа. Вотъ почему мы такъ хотимъ узнать народъ. Не менѣ насъ желаютъ этого и иностранцы.

Слѣдовательно, замѣчательное искусство Билибина — „во благовременіи“. „Лири“ художника настроена, главнымъ образомъ, на народный сказъ и ладъ.

Я хотѣлъ бы остановиться на этой основной „мелодіи“ творчества Билибина, иначе, — на содержаніи его картинъ. Ликъ Россіи нашель себѣ въ нихъ очень опредѣленное выраженіе.

Сказки. Былины. Атмосфера древней иконописи. Вотъ та область духа, которая завладѣла Билибинымъ.

Конечно, по существу, по своимъ первоначальнымъ истокамъ — это все очень тѣсно связано между собою. Вездѣ только прорывъ духа, творческаго и созидающаго. Вездѣ стремленіе устроить и нивелировать разрушающую силу, но со строгимъ соблюденіемъ

извѣстныхъ ступеней въ развитіи единого начала.

Если сказка — прежде всего фантазія, то былина — уже земля, которой служитъ фантазія, а икона — взлетъ этой фантазіи, неудовлетворенной всѣмъ земнымъ, къ небу.

Таковы ступени русскаго народнаго духа въ его страстномъ, непобѣдимомъ желаніи устроить самого себя.

Интересна была бы, съ этой точки зрѣнія, исторія русской литературы и искусства. До сихъ поръ мы больше интересовались „остановками“ и „паденіями“ нашего духа на его тяжеломъ пути. Ими, преимущественно, характеризовалась русская душа.

Билибинъ началъ со сказокъ. Иллюстраціи къ „Ивану-Царевичу“, „Василисѣ Прекрасной“ и „Царевнѣ - Лягушкѣ“ были первыми его большими работами. Русскому обществу онѣ явились неожиданнымъ и очень пріятнымъ подаркомъ. Оно вдругъ увидѣло на яву то, что представляло себѣ въ связи со сказками, именно: русское лицо, природу, преподнесенными и обвѣянными красотой глубокой старины.

Да, русская „старина - старинушка“ показала въ сказкахъ Билибина, показала именно

такой, какъ мы представляли себѣ ее сперва въ дѣтствѣ, а потомъ и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

Въ душѣ человѣка много „пластовъ“. Это, конечно, величайшая глупость — заявленіе, что надо „уничтожить до основанія прежній міръ и начинать сызнова“. Его такъ же нельзя уничтожить, какъ и доисторическіе періоды бытія земли и человѣка. Мы, нынѣшніе, всѣ — въ прошломъ, какъ и прошлое — въ насъ. Вотъ почему мы любимъ старину и страннымъ, непонятнымъ образомъ обрѣтаемъ возлѣ нея

спокойствіе, миръ и тишину. Не потому-ли, что эта старина является всегда предъ нами лишь въ конечномъ итогѣ своего утвержденія жизни?..

Такова именно старина сказки, и такой она засвѣтилась у Билибина. Наша, засошная было отъ жизненныхъ бурь, фантазія теперь, при знакомствѣ съ „сказочнымъ“ Билибинымъ, снова расцвѣтаетъ. Точно переносимся мы въ золотое дѣтство, а чрезъ него или на крыльяхъ его въ таинственную сѣнь старины, къ нашимъ предкамъ, въ древнѣйшую Русь, туда, гдѣ

И. Я. Билибинъ

Василиса Прекрасная

свѣтлыя силы боролись съ темными и побѣдили ихъ, чтобы начать строительство „дома“ для будущихъ поколѣній. Смотришь на иллюстраціи Билибина къ сказкамъ, и такимъ убѣдительнымъ языкомъ говорятъ онѣ о правдѣ сказочной жизни, что невольно вдругъ подумаешь: „а, что, если и въ самомъ дѣлѣ такъ именно тогда и было?.. Даннымъ ему свыше зрѣніемъ художникъ лишь все это увидѣлъ и въ образахъ рассказалъ намъ“...

Подолгу всматриваешься въ эти „видѣнія“ большого художника. Благодарить его за пищу нашей фантазіи и съ радостью принимаешь вызванные имъ къ жизни образы, даже царя Донона. Крѣпкіе были русскіе люди! Строители!..

Былины — это, конечно, повѣсть объ устройствѣ русской земли, которая есть „мать сыра-земля“. Если на первыхъ герояхъ ихъ, Святогорѣ и Вольгѣ, лежитъ еще большой налетъ сказки, то Микула Селяниновичъ — сама земля, а Илья Муромецъ — уже „крестьянскій сынъ“, т.-е. сынъ людей, всецѣло отдавшихъ себя служенію этой землѣ.

Нашъ художникъ прекрасно показалъ такой характеръ былиннаго героя. Его образы Святогора, Вольги, Микулы и Ильи Муромца очень типичны въ этомъ отношеніи.

На послѣднихъ вещахъ Билибина, подписанныхъ 1919—28 г.г., лежитъ печать увлеченія духомъ, содержаніемъ „иконнаго характера“. Въ этомъ смыслѣ особенно примѣчательна картина „Борись и Глѣбъ“. Одна изъ былинь объ Ильѣ Муромцѣ повѣствуетъ, какъ постучались въ окно къ Ильѣ, сидѣвшему „сиднемъ“ тридцать три года, Борись и Глѣбъ подъ видомъ „каликъ-перехожихъ“. Этотъ мотивъ художникъ и взялъ для своей картины.

Русская душа является здѣсь просвѣтленной, чуждой всякимъ противорѣчіямъ и двойственности. Она обвѣяна глубокимъ религиознымъ чувствомъ. Фантазіи здѣсь дѣлать нечего. Сказка кончилась. Былинный герой призывается на служеніе человечеству. Зоветь Богъ чрезъ своихъ вѣстниковъ.

Таково, разумѣется въ общихъ чертахъ, содержаніе, „литературный сюжетъ“ произведеній Билибина.

Таковъ именно ликъ русской души, обрисованный въ своихъ произведеніяхъ замѣчательнымъ русскимъ художникомъ.

Но очарованіе, исходящее отъ картинъ Билибина, объясняется, конечно, тѣмъ, что содержаніе ихъ облечено въ исключительно художественную форму.

Глубокое проникновеніе художника въ избранный имъ сюжетъ помогло ему создать стиль своего письма. Какъ именно это въ началѣ произошло — тайна. Налицо — фактъ „билибинскаго стиля“, благодаря чему нашего художника нельзя ни съ кѣмъ смѣшать. Онъ единственный въ своемъ родѣ. Онъ, слѣдовательно, сильная, ярко-выраженная художественная индивидуальность. Завидная участь!

Быть похожимъ на другого — это ужасъ для художника.

Въ стилѣ Билибина, конечно, можно найти элементы, такъ называемаго, старорусскаго стиля, какъ онъ проявилъ себя въ яркихъ по краскамъ и острымъ по линиямъ народныхъ лубочныхъ картинкахъ, въ безудержномъ пирѣ древняго орнамента, гдѣ „пляска линій“ шла, однако, подъ строгимъ окомъ режиссера, въ молитвенно-тихой линіи иконописца XV—XVII в.в. Чрезъ все это стиль Билибина уже про-

шелъ, почерпнувъ про запасъ очень многое. Но, одновременно, художникъ и внесъ, и внести свое въ пройденный, повидимому, путь; говорю повидимому, такъ какъ теперь „путешественникъ“ началъ спускаться въ глубины стила родной старины съ тѣмъ, чтобы потомъ вынести на свѣтъ Божій всѣ „завѣты“ этого стила, пропѣвъ въ честь его „пѣсню“, въ очаровательной „мелодіи“ которой всякій „услыхалъ“ бы нѣкій синтезъ „старинны-старинушки“, какъ она показала себя въ разныхъ видахъ вызваннаго ею къ жизни искусства.

Свое Билибина это и есть синтезъ тѣхъ или иныхъ видовъ, приемовъ и манеръ старо-русскаго стила, вслѣдствіе чего вы получаете отъ произведеній художника впечатлѣніе опредѣленной новизны. Все старое громадный талантъ смѣло „переварилъ“ въ себѣ, „перелилъ“, и оно явилось новымъ — юнымъ, исполненнымъ всепокоряющей бодрости, свѣжести и силы.

Понятно, что сказаннымъ характеризуется не начало дѣятельности художника, а нынѣшній расцвѣтъ ея съ такими шедеврами, какъ: „Борисъ и Глѣбъ“, „Св. Георгій“, „Стрѣльчиха“ и др.

Какъ замѣчательна, на примѣръ, эта послѣдняя картина въ отношеніи своего у Билибина! Со стороны содержания она — та Великая Русь, крѣпкая, полная безграничной вѣры въ силу свою, а потому спокойная, на которую можно въ тяжелую годину опереться, ибо она не подведетъ... Образъ и вся фигура царя здѣсь въ этомъ смыслѣ удивительны. Чего стоитъ одинъ взглядъ и улыбка такого лица!

Вокругъ царя бояре. У нихъ уже, по сравненію съ царемъ, не лицо, а физиономіи. Если онъ — „дубъ“, то они, хоть и не царской породы, но „строительный матеріалъ“ дадутъ прекрасный. Однако, земля и ея интересы слишкомъ захватили ихъ, сдѣлавъ изъ породистаго лица

„придворную физиономію“. Царь съ боярами принимаетъ стрѣльчиху. Предъ ними русская женщина во всей своей молитвенной красѣ. Чудесной пѣвучей линіей обвелъ художникъ весь ея образъ, подчеркнувъ всю его скромность, чистоту и достоинство. Нельзя вдосталь налюбоваться на это созданіе художника. Если говорить о преемственной связи свѣтскаго живописнаго искусства съ творчествомъ нашихъ знаменитыхъ иконописцевъ, то, на мой взглядъ, образъ стрѣльчихи Билибина есть одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ, гдѣ можно уловить столь желательное для русской живописи преемство съ иконописью. Всмотритесь въ это прекрасное лицо. Развѣ это не... „русская Мадонна“? Не знаю, куда дальше пойдетъ художникъ, но мнѣ кажется, что нельзя оставить „въ тѣни“ достиженія „Стрѣльчихи“. Здѣсь могутъ открыться для Билибина перспективы, о которыхъ сейчасъ онъ, можетъ быть, и не думаетъ.

Прекрасны также „калики-перехожіе“ Борисъ и Глѣбъ.

Вся картина производитъ на первый взглядъ впечатлѣніе слетѣвшей съ какихъ-то высотъ пѣсни, легкой-легкой, пронизанной дыханіемъ

гармоніи, несущей миръ и тишину. Этому помогаетъ и фонъ слоновой кости съ отблескомъ голубого неба на ней, и призракъ деревни съ типично-русской церковкой, и весь вообще пейзажъ съ „травушкой-муравушкой“, и деревомъ, которому скучно расти на землѣ, и этими Борисомъ и Глѣбомъ, „свѣтлыми людьми“, на которыхъ посмотрѣлъ Самъ Іисусъ Христосъ. Предъ нами здѣсь — письмо лубка, освѣщенное лампадой у иконы; письмо примитивное, но абсолютно безъ всякихъ усилій и нарочитости, однимъ словомъ, тотъ примитивизмъ, который есть не что иное, какъ простота, т.-е. качество истиннаго художественнаго произ-

И. Я. Билибинъ

Илья Муромецъ и Святогоръ

ведения и даръ исключительнаго таланта...

Художникъ показаль мнѣ свои пейзажи и портреты, сдѣланные имъ во время пребыванія въ Египтѣ и путешествія въ Палестину. Въ нихъ глубоко прочувствована пустыня бывшихъ царствъ. „Горячій“ и даже „раскаленный холодъ“ обвѣянныхъ жгучими, палящими лучами солнца пустынь переданъ съ убѣждающей васъ силой. Рисунокъ вездѣ необычайно строгій, почти аскетическій. Ему отвѣчаетъ и живопись, таящая въ своемъ аскетизмѣ жаръ красокъ, готовыхъ каждую минуту прорваться, чтобы начать пиръ, столь желанный ими.

Въ портретахъ „Стараго феллаха“, „Шейха“, „Мальчика“ Билибинъ явился большимъ психологомъ, сумѣвшимъ подмѣтить и тонко выявить всю индивидуальность своей модели. Изумительной остроты здѣсь и четкости — карандашъ художника, легко побѣждающій всѣ препятствія и лишній разъ подтверждающій необыкновенное мастерство автора всѣхъ этихъ шедевровъ!

Да, Билибинъ мастеръ. Онъ знаетъ свое мастерство. Онъ весь проникнутъ непреодолимымъ убѣжденіемъ, что „нѣтъ искусства безъ ремесла“. Это мастерство его говоритъ на каждомъ шагу, и, приглядываясь къ его картинамъ, вы начинаете понимать, какой это египетскій трудъ. Работа миниатюриста лежитъ въ основаніи всего, что дѣлаетъ Билибинъ, работа, требующая большого усилія воли, большого контроля надъ собой. И нигдѣ почти карандашъ и кисть художника не дрогнули. Вездѣ онъ выходилъ побѣдителемъ, съ большимъ успѣхомъ рѣшая техническія задачи, которыя ставилъ предъ собой, все болѣе и болѣе усложняя ихъ и тѣмъ самымъ лишь развивая, укрѣпляя свой талантъ.

Изъ этого свойства духа таланта Билибина выросла слава его, какъ графика, — въ частности его работы для книги, которыя радуютъ насъ такой ясностью художественнаго пера, такой мѣрой громаднаго художественнаго вкуса.

Нѣкоторыя біографическія данныя И. Я. Билибина... Но пусть лучше самъ художникъ расскажетъ о нихъ.

— „Я очень рано почувствовалъ влеченіе къ живописи. Рисую съ тѣхъ поръ, какъ себя помню. Свято храню память матери. Она первая обратила вниманіе на меня, какъ будущаго художника, и всячески поддерживала огонекъ въ моей душѣ. Отецъ не считалъ профессію художника выгодной въ смыслѣ заработка и очень часто окатывалъ меня холодной водой. На третьемъ курсѣ университета, 22 лѣтъ отъ роду, я принесъ отцу свои первыя сказки, отпечатанныя въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. — „Сдѣлай тогда для меня личное одолженіе, — замѣтилъ отецъ, видя, что я сталъ на путь художника, — привези дипломъ объ окончаніи университета, чтобы я былъ спокоенъ“...

Я исполнилъ просьбу отца и затѣмъ порвалъ всѣ дѣла съ юриспруденціей.

Вы спрашиваете меня, какъ я сталъ на тотъ путь, по которому иду теперь?..

Я — русскій съ головы до ногъ. Мои предки — именитые калужскіе богачи-купцы. Значитъ, говорилъ во мнѣ и приказывалъ голосъ крови. Только прислушиваясь къ нему, я потянулся къ родной старинѣ и ея образамъ. Затѣмъ начали благоприятно складываться обстоятельства. Такъ, лѣто 1899 г. я провель въ глухой-преглухой части Тверской губерніи у моихъ друзей. Окружающая обстановка, разговоры съ примитивными по мировоззрѣнію крестьянами невольно погрузили меня въ міръ, о которомъ я грезилъ, и тогда именно я написалъ свои первыя сказки. Страшно также повліяла на меня предъ тѣмъ зима 1898 — 99 г. въ Петербургѣ. Викторъ Васнецовъ выставилъ здѣсь свои картины, въ частности, „Богатырей“. Самъ не свой, ошеломленный ходилъ я послѣ этой выставки. Я увидѣлъ у Васнецова то, къ чему смутно рвалась и по чьей тосковала моя душа.

Я говорилъ о „благоприятно сложившихся обстоятельствахъ“. Не

Портретъ-шаржъ поэта А. С. Рославлева

И. Я. Билибинъ

Декорація къ балету (для Анны Павловой)

совсѣмъ такъ. Напримѣръ, если бы я не былъ петербуржцемъ, а москвичомъ, мнѣ куда легче было бы найти самого себя. Помню, какъ поразила меня впервые Москва... Тогда я сдѣлалъ мой визитъ и В. Васнецову. Если бы вы знали, какъ билось мое сердце и съ какимъ благоговѣніемъ переступалъ я порогъ васнецовскаго дома. Да, въ наше время отношенія между молодыми, начинающими художниками и стариками были иными, непохожими на теперешнія...

Въ 1902, 1903 и въ 1914 г.г. я ѣздилъ въ Вологодскую, Олонецкую и Архангельскую губерніи. Много очень интересныхъ образцовъ стараго русскаго искусства я перевидалъ здѣсь. Однихъ храмовъ древней деревянной архитектуры сколько видѣлъ! Сдѣлалъ рядъ фотографическихъ снимковъ, репродукціи которыхъ вошли потомъ въ „Исторію русскаго искусства“ Грабаря.

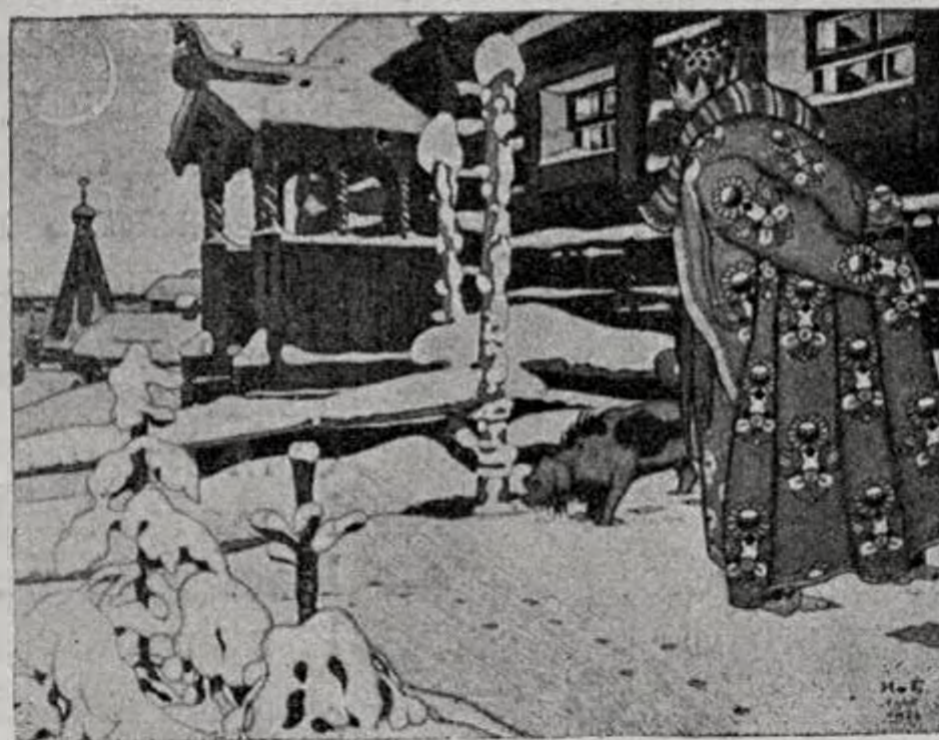
Съ 1908 г. началъ работать для театра.

Далъ этюды русскихъ костюмовъ для „Бориса Годунова“, котораго ставилъ въ Парижѣ Дягилевъ въ 1908 г. Сдѣлалъ большихъ три постановки: „Золотой Пѣтушокъ“, „Садко“, „Русланъ и Людмила“. Въ бытность въ Египтѣ нарисовалъ для Анны Павловой эскизъ декораціи одного балета (см. „Перезвоны“). Къ большимъ декоративнымъ своимъ работамъ отношу также роспись зданія отдѣленія Государственнаго Банка въ Нижнемъ Новгородѣ.

Недавно закончилъ рядъ эскизовъ для церкви въ Прагѣ, откуда пріѣхалъ два-три мѣсяца тому назадъ и гдѣ устраивалъ свою собственную выставку. Чехія приняла меня очень и очень радушно.

Сейчасъ заканчиваю большую работу „Университетъ въ Каирѣ“, — и Иванъ Яковлевичъ показалъ мнѣ интересно-задуманную картину, великолѣпно скомпанованную и увлекательную по краскамъ.

Н. И. Мишевъ

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА

СВ. КНЯЗЬЯ БОРИСЪ И ГЛѢБЪ

По - надъ Альтой, рѣкой луговою —
Невеликой рѣкой, рѣчкой малою —
Брегъ дремою цвѣтетъ рудо-алою
Да травою небесь — незабудками...
Спятъ тамъ снами предбранными чуткими
Въ тѣмъ полунощной русскіе вои,
Вышедъ въ встрѣчу орды печенѣжьей.
По - надъ Альтой же свѣтится вежа *)
Изъ парчи на злаченомъ дреколицѣ, —
Тамъ Борисъ - князь не спитъ, Богу молится.

Принеслись къ нему вѣсти лихія,
Вѣсти - чудища, ровно кикиморы:
— Нѣтъ въ живыхъ уже князь - Володимера,
Красна - Солнышка, мила - родителя...
Святополка жъ корысть не насытили
Отчій теремъ и стольный градъ Кіевъ
И свершить тотъ замыслилъ, что Каинъ!—
Сгибнетъ въ часъ сей, что вѣдомъ и чаянь,
Онъ, Борисъ, во степномъ бездорожьи...
Но да будетъ на все воля Божія!

Бьетъ поклоны, — и кудри струятся
Токомъ темнымъ средь свѣтлаго—слезъ его,
И дрожатъ уста бабочкой розовой,
О любезномъ усопшемъ молитвуя,
О войскахъ, сиротѣвшихъ предъ битвою,
И о тѣхъ, что убьютъ... И о братцѣ,
Что, сгубивъ его, душу погубить...
Вѣрный отрокъ, кого онъ такъ любитъ,
Зря взбиваетъ постель, изголовьице —
Бдитъ Борисъ - князь, ко смерти готовится.

Не туманы ползли надъ чарусой,
Въ станъ людишки кралась Святополковы...
И въ малиновой мантийцѣ шелковой
Легъ Борисъ - князь до боя здѣсь на-полѣ.
Росы красныя вежу окапали,
Въ ней же — рядышкомъ съ отрочѣй русой
Головой, что подкупные злыдни
Отсѣкли ужъ у мертваго гридня,
На ошейное льстятъ его золото,
Спитъ Борисъ, Окаяннымъ заколотый!..

— — — — —
Надъ Днѣпромъ же, рѣкой не простою,
А святой рѣкой, рѣчкой крестильною

Ярѣ порось бѣленой черно-пыльною
Да жемчужной травой богородичной...
И плыла тамъ ладья — чудо плотничье! —
Вся изъ розова древа съ рѣзбою,
А весельца — сребристаго клена,
А уключины — липы мореной,
И бесѣда на немъ — кипарисова
Глѣба - князя для, брата Борисова.

Ѣдетъ Глѣбъ - князь на зовъ Святополка
Межъ его челядинцами хмурыми
Въ бурный Кіевъ изъ мирнаго Мурома
И, о смертынкѣ близкой не вѣдая,
Знай, поетъ да поетъ подъ бесѣдою!
Золотистыхъ волосъ его чолка
Надъ челомъ закруглилась, что вѣнчикъ,
Гласъ заливчатъ и чистъ, какъ бубенчикъ,
Пѣсни жъ все — не мірскія, грѣховныя,
А стихи — поученья духовныя.

На ночлегъ жъ въ дремучемъ овражѣ,
Гдѣ злодѣи сошли, заманивъ его,
Сѣлъ князь - Глѣбъ на стволинѣ на ивовой,
Пѣлъ въ останний разъ милости Боговы,
Силу мученикъ, правду убогаго...
Вдругъ какъ сникнетъ, плещась по - ле-
бязи! —

Меркнетъ вмѣстѣ съ зарею румянецъ,
Въ лалахъ брызнувшихъ — бѣлый кафта-
нецъ,

И съ замершею трелькою пѣсенной
Молкнетъ Глѣбъ, Окаяннымъ зарѣзанный...
— — — — —

По - надъ Альтою—правъ ли онъ, лѣвъ ли—
Брегъ цвѣтетъ синизной незабудковой
Въ незабвенъ дѣянія жуткаго...

По Днѣпру же на брегъ возвышенномъ
Бѣлена обернулася вишеньемъ
Въ память жертвенной святости древлей...
И являются, слышь, оба князя
Тамъ — въ цвѣточной, здѣсь — въ ягодной
вязи, —

Очи къ небу, а рученьки скрещенны —
Молятъ Господа миръ дать обѣщанный,
Насадить въ ихъ землѣ братолюбіе
И всегда, слышь, коль узришь, то вкупѣ ихъ!

*) Шатеръ.

И. А. ВЯЛИВИНЪ
I. VILVIN

БОРИСЪ И ГЛѢБЪ
ILLUSTRATION OF A RUSSIAN LEGEND

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ

ХАНЪ АЛТАЙ

Сказка въ семи главахъ

I. Пѣвецъ - пастухъ налаживаетъ домру.

По привольнымъ, великимъ горамъ Алтая изначала Человѣкъ - Пастухъ кочеваль, свои тучныя стада стерегъ, древніе Божьи завѣты берегъ.

Вотъ ходилъ Пастухъ по высокимъ горамъ, по зеленымъ лугамъ, по рѣчнымъ и озернымъ берегамъ — глядѣлъ черезъ стада свои въ высь и въ даль и молча задумывалъ первую пѣсню.

У вѣтра подслушалъ, у стука камней, у шелеста листьевъ, у шума воды, у щебета птицъ и у свиста невидимыхъ маленькихъ тварей — взялъ первые звуки.

Стоялъ на высокомъ холмѣ надъ рѣкою старый, сухой и расщепленный тополь; вѣтеръ врывался въ сухую расщеплину дерева и завывалъ, ударялъ по отвисшей щепѣ и качалъ ее въ тактъ и наигрывалъ первую пѣсню — училъ Пастуха.

Съ пѣснею вѣтра задумалъ Пастухъ сдѣлать первую домру. Съ молитвою срѣзалъ онъ тополь у самага корня. Съ таинственной думой и заклинаньями выжегъ огнемъ пустоту. Съ великимъ терпѣніемъ трудился — обдѣлывалъ каменнымъ ножикомъ. Семь разъ поранилъ руки, пока сдѣлалъ первую доску — покрыть пустоту. Семь разныхъ узоровъ — кони, козлы и маралы — собственной кровью навелъ вокругъ домры. Трубные звуки мараловъ — самая громкая пѣсня Алтая.

Съ лаской погладилъ коня, когда выбиралъ въ его хвостъ самые длинные, самые крѣпкіе волосы. На голомъ колѣнѣ съ улыбкой ссучилъ двѣ струны. Натянулъ, тронулъ пальцемъ, услышалъ гудѣнье — побѣжалъ подѣ-

литься звуками съ самой любимой подругой своей. Усадилъ ее слушать, а самъ посмотрѣлъ на самую высокую вершину, послалъ улыбку счастья самой синей и далекой долинь.

Домра запѣла.

Домра запѣла, запѣлъ и пѣвецъ. Рѣки и горы запѣли. Птицы и звѣри запѣли. Небо запѣло. Съ улыбкою счастья пастушья подруга смотрѣла и слушала домру.

Съ тѣхъ поръ родилась пѣсня, и всѣ стали пѣть объ Алтай. Съ тѣхъ поръ на всемъ свѣтѣ лишь трое безсмертны: Домра, Пѣвецъ и Алтай.

—
Кто скажетъ: что правда, что сказка, что сонъ наяву?

Тучи идутъ по горамъ, громоздятся, сходятся въ кругъ, думаютъ, что-то рѣшаютъ — кто скажетъ: чьи это души сошлись?

Всадникъ ѣдетъ по горной тропинкѣ, лукъ натянулъ, стрѣлу послалъ и сразилъ гордо стоявшаго на скалѣ марала — кто скажетъ: не былъ ли когда-то мараль охотникомъ, а охотникъ мараломъ?

Между горъ бѣгутъ и пѣнятся, и поютъ рѣки, безконечно спорятъ съ крѣпкими утесами — кто скажетъ: нѣтъ ли въ спорѣ этомъ мудрости изначальной?

Алтай-кижи родился бѣднымъ пастухомъ и полюбилъ самую красивую и знатную ханскую дочь — кто скажетъ: не разлучилъ ли кто эти двѣ души въ прежнихъ жизняхъ? Не былъ ли Пастухъ когда-то ханскимъ сыномъ?

—

И. Я. Билибинъ

Византійскій всадникъ. Панно

— Тогда спустись по нему обратно, осуши землю отъ океана, насади на ней садъ прекрасный. Когда зацвѣтетъ — Я приду посмотрѣть.

Взялъ на себя Ульгень спасеніе земли. Спустился по горамъ Алтая на землю, осушилъ вокругъ горъ великій просторъ, насадилъ новый садъ прекрасный и избралъ для охраны его двухъ великихъ братьевъ — богатырей алтайскихъ Эдзень и Эрлика. И чтобы не было имъ скучно стоять у вратъ, создалъ имъ для радости и украшенія жизни прекрасную сестру Урусъ. И наказаль:

— Вотъ я поручаю вамъ хранить молодой прекрасный садъ земли. Здѣсь довольно плодовъ и цвѣтовъ для всѣхъ людей. Здѣсь все

будетъ радовать вашъ глазъ и ваше сердце. Берегите. Я же поднимусь на небо, чтобы сказать Владыкѣ звѣздъ объ исполненіи Его завѣта. Онъ придетъ и полюбуется на плоды трудовъ нашихъ.

Ушелъ Ульгень на небо, а братья стали на стражѣ у вратъ прекраснаго сада.

Однажды, когда Эрликъ ушелъ отдохнуть, старшій братъ Эдзень стоялъ у вратъ и увидѣлъ, что мимо него въ садъ прибѣжала малютка, дочь грознаго богатыря и хана, первая алтайская красавица Катынъ-Су.

Эдзень такъ засмотрѣлся на нее, что побѣжалъ за нею слѣдомъ и, покинувъ порученный садъ, сказалъ дѣвушкѣ:

— Убѣжимъ со мной въ лучшій край!

Катынь-Су обожгла его взглядомъ, отвѣтила:

— Лучше Алтая нѣтъ страны.

— Полюби меня! — взмолился Эдзень.

— Измѣнника Ульгеню и Алтаю никогда не полюблю.

Оскорбился Эдзень, покинулъ Алтай и пошелъ войной на Китай. Тамъ скоро сдѣлался богдыханомъ—у измѣнниковъ удача временна, но велика — и позабылъ о братѣ, о сестрѣ, о первой красавицѣ Катынь-Су и о прекрасномъ садѣ земли.

Тѣмъ временемъ у вратъ сада Эрликъ стоялъ.

Сестра Урусъ, чтобы и второй братъ не покинулъ садъ, неотлучно служила Эрлику и часто отвлекала взглядъ его на цвѣты, когда мимо пробѣгала Катынь-Су. А однажды нашла въ саду самый красивый чудесный цвѣтокъ и, посадивъ его въ горшокъ, поставила передъ Эрликомъ.

Эрликъ былъ такъ счастливъ, что сталъ беречь и лелѣять цвѣтокъ, какъ лучшее сокровище. И сталъ цвѣтокъ еще красивѣе, такъ что пробѣжавшая мимо Катынь-Су, залюбовавшись, остановилась надъ цвѣткомъ и нѣжно улыбнулась его хранителю Эрлику.

Но вотъ Эдзень — богдыханъ отъ злыхъ духовъ узналъ о чудесномъ цвѣткѣ и, позавидовавъ брату Эрлику, послалъ гонца и укралъ цвѣтокъ.

Пробѣжавшая утромъ Катынь-Су увидѣла, что нѣтъ цвѣтка, и обожгла Эрлика строгимъ взглядомъ:

— И ты не сумѣлъ сберечь данное тебѣ сокровище!

О, какую злобою наполнился Эрликъ, пораженный въ сердце братомъ. Какъ яростно онъ сталъ проклинать его и все прекрасное на свѣтѣ, порождающее зависть. Даже на сестру разгнѣвался и, несмотря на ея слезы и мольбы о примиреніи, закричалъ ей грозно:

— Если братъ мой оказался воромъ, то всѣ прочіе чужіе люди будутъ вѣчными ворами и злодѣями. Уходи,

и ты не сестра мнѣ теперь. И проклиною я все человѣчество.

Ушла печальная сестра Урусъ на сѣверъ и стала создавать тамъ на равнинахъ царство Русь, чтобы когда-нибудь прійти обратно въ горы и принести любовь и миръ глубоко-обиженному брату Эрлику.

Но, покинутый сестрой и братомъ и красавицею Катынь-Су, Эрликъ сталъ растить и накоплять свой гнѣвъ безумный.

Покинувъ садъ прекрасный, онъ безпріютно блуждалъ по самымъ мрачнымъ ущельямъ и съ утра до вечера, и даже по ночамъ гнѣвно оглашалъ громовымъ голосомъ Алтай и топалъ богатырскими ногами въ землю, такъ топалъ, что всѣ растенія и цвѣты въ прекрасномъ саду увядали. Такъ яростно топталъ Эрликъ ногами землю, что выбилъ себѣ яму — темную, глубокую могилу.

И не могъ онъ больше вынести дневного свѣта. Захотѣлось ему спрятаться отъ міра въ подземелье, чтобы забрать все зло земное въ свои руки. И сталъ Эрликъ самымъ грознымъ властелиномъ тьмы и преисподней. И до сихъ поръ подъ его грозною пятою все живущее въ низахъ трепещетъ. Только рѣдкимъ жителямъ высотъ Эрликъ не страшенъ.

Такъ выросло древо великаго земного зла. Ибо братъ Эдзень укралъ у брата Эрлика лучший даръ сестры—любимый цвѣтокъ, украшеніе жизни, улыбку небесъ.

Глубоко опечалился Ульгенъ на небѣ и рассказалъ Владыкѣ звѣздъ, что садъ прекрасный на землѣ увялъ и погибаетъ.

— Ты ставилъ стражу, ты и садъ спасай! — отвѣтилъ Владыка звѣздъ Ульгеню.

Тогда не гнѣвомъ, не печалью, а любовью накалилъ Ульгенъ до бѣлаго огня лукъ свой и послалъ стрѣлу любви — синюю молнію на Алтайскія горы.

Упала стрѣла въ чашу озера Джайлю, въ густой листовичный лѣсъ, расщепила самое большее дерево и выжгла въ немъ огром-

И. Я. Билибинъ

Микула Селяниновичъ

ное дупло и въ дуплѣ томъ превратилась въ прекрасное малое дитя. И стало дерево матерью для голаго смуглаго мальчика.

Услышавъ пролетавшій надъ озеромъ Лебедь - Кликунъ первый плачь голоднаго ребенка и принесъ ему лебединое яйцо. Накормилъ, утѣшилъ, пѣсню спѣлъ, опять на озеро улетѣлъ. И сталъ Лебедь-Кликунъ заботливымъ отцомъ для голаго смуглаго мальчика.

А на крутыхъ и зеленыхъ лугахъ вокругъ озера табуны и стада грознаго хана Агана паслись.

Однажды пастухи замѣтили, что Лебедь съ озера летаетъ къ одному большому дереву, и послали пастуха Башкауса узнать: что дѣлаетъ Лебедь у дерева?

Пришелъ пастухъ къ дереву — Лебедь улетѣлъ, а на лугу около дерева играетъ голый мальчикъ.

Подумалъ Башкаусъ:

— Эхъ, бѣдная ханская дочь Катынъ-Су. Это она здѣсь родила мальчика и отъ стыда спрятала. Не даромъ пастухи шептались, когда монгольскій ханъ Каты-Ярыкъ отъ ханской ставки скакалъ.

Въ это время мальчикъ увидалъ Башкауса и такъ хорошо улыбнулся ему, что пастухъ рѣшилъ взять его въ сыновья. Когда вырастетъ сильный и красивый, можно хорошо продать въ рабы на рудники китайцамъ.

Посадилъ мальчика въ суму за сѣдло, отвезъ женѣ своей, бездѣтной Чельчи, и сказалъ:

— Вотъ корми и люби. Красивый будетъ — продадимъ, отъ нужды избавимся.

Стала Чельчи кормить ребенка, стала лю-

И. Я. Билибинъ

Царевна-Лягушка

бить, какъ сына. А мальчикъ растетъ, какъ молодой тополь: высокій, красивый, кучерявый и гибкій. И всегда всѣмъ улыбается. Все понимаетъ, все исполняетъ, а самъ молчитъ, какъ синее небо.

И прозвали его пастухъ съ пастушкой:

— Урсулъ-Ойротъ, что значитъ найденный въ деревѣ.

И ходилъ Урсулъ босой и голый, не зная, что такое холодъ или стыдъ. Бѣгая такъ по лугамъ, онъ попалъ къ товарищамъ Башкауса, ханскимъ пастухамъ, и, окруженный ими, всѣхъ ихъ покорилъ безмолвною улыбкой. Пастухи накормили его, приютили въ своемъ шалашѣ, дали старую овчину для прикрытія тѣла и сказали:

— Будь нашимъ братомъ — паси овчье стадо.

Урсулъ-Ойротъ улыбнулся, кивнулъ и сталъ

пасту ханское овчье стадо.

Такъ пришелъ на землю славный пророкъ Ойротъ. Такъ началась его служба синему Алтаю, алтайскому народу и пославшему его Ульгеню.

Не богатыремъ великимъ, не воиномъ вооруженнымъ сталъ Ойротъ на стражѣ у вратъ Прекраснаго Сада, а полуобнаженнымъ пастухомъ, облеченнымъ лишь одною молчаливою улыбкой. Озарился свѣтомъ радости Владыка звѣздъ.

И для живущихъ въ долинахъ и горахъ Алтая вновь наполнилась дарами неба и земли Чудесная Чаша Жизни. И стоитъ она нерасплесканная на высотѣ великихъ Сайлюгемскихъ горъ.

Но это только присказка. Настоящая сказка — вся впереди.

III. Ойротъ - Пастухъ въ горахъ думаетъ.

Когда это было и сколько длилось — никто не знаетъ, потому что у Алтая счета годамъ не велось, а у богатырей о времени не спрашиваютъ. Можетъ быть, годъ прошелъ; можетъ быть, тысяча лѣтъ.

Росъ Урсулъ-Ойротъ, какъ самый простой пастушенокъ — заповѣдано ему Ульгеномъ пройти земную жизнь со всѣми нуждами и обидами, какъ самому простому Алтайкижи.

Однажды, когда онъ поровнялся ростомъ съ юношами, онъ былъ со своимъ стадомъ на широкой полянѣ близъ озера Джайлю и подъ

баюкающій шопоть ковылей почуялъ, точно выпалъ изъ какой-то давней тишины.

До сихъ поръ никогда не слышавшій даже собственнаго голоса, онъ умѣлъ лишь понимать, что говорили повелѣвавшіе ему отецъ и мать и пастухи, но никогда не слышалъ, чтобы такъ чудесно шелестѣли листья и хвоя на деревьяхъ, ласковыя, какъ дыханіе вѣтерка. Никогда не слышалъ, чтобы птицы могли пѣть такія радостныя пѣсни. Никогда не слышалъ, чтобы волны озера такъ ясно и краснорѣчиво рассказывали ему о томъ, какъ прекрасно и чудесно все, что онъ слышитъ и видитъ.

Прояснилась его память съ ясностью весеннего полдня и вспомнились всѣ дни и годы, проведенные въ бѣдной юртѣ пастуха Башкауса и жены его Чельчи.

Вспомнилъ, какъ впервые позналъ жгучесть огня, какъ впервые извѣдалъ жажду и голодь, какъ впервые почувалъ тоску одиночества покинутого въ юртѣ ребенка.

Однажды, когда Чельчи ушла за хворостомъ для очага, Урсуль увидѣлъ, какъ красиво и ласково тлѣли угли въ очагѣ посреди юрты. И захотѣлось ему пить и ѣсть эти ярко-красные кусочки. Подползши къ очагу, онъ взялъ самый яркій и красивый уголь въ руку и потянулъ его въ ротъ. И не понималъ, что случилось. Даже не слышалъ своего крика, но откатился отъ костра и, какъ выброшенный камень, очутился за порогомъ юрты. И только на пахучей травѣ почувалъ, что вся обида идетъ отъ обожженныхъ рукъ и губъ, но замолчалъ и услышалъ впервые непрерывный шумъ, шедшій съ двухъ сторонъ: снизу отъ многого множества бѣгущей по камнямъ воды и отъ сосѣдней темной лиственницы, которая раскачивалась, шевелила множествомъ темныхъ крыльевъ и кивала Урсулу, какъ ласковая мать. А надъ верхушкой лиственницы онъ увидалъ такое, отчего совсѣмъ забылъ о боли обожженныхъ рукъ и губъ. Потому что тамъ было голубое и бездонное, такое тихое, и такое безпредѣльное Нѣчто, опиравшееся на вершины горъ — сплошная голубая крыша надъ долиной... И налились глаза Урсула густо-синюю эмалью, засмѣялись и не въ силахъ были оторваться отъ высотъ. Когда же онъ взглянулъ опять на лиственницу, то глаза его опять наполнились сплошною чернотой и страшной строгостью удивленья.

Такъ позналъ Урсуль-Ойротъ всю сладость и силу безмолвія, такъ позналъ огонь и воду, землю и небо, которыя были для него лишь частями Единого Ожиданія.

Плескалась вода въ озерѣ и въ горныхъ потокахъ, вѣчно пѣла или говорила, или принимала въ глубину свою все небо съ облаками и бездонностью, а Урсуль бродилъ и бѣгалъ среди множества темныхъ лиственницъ и елей, и кедровъ. Онѣ ласково махали ему лапами, кивали головами и, молчаливо подпирая небо, учили молчаливому Ожиданію.

Позналъ Урсуль тепло и свѣтъ огня опаснаго, питающаго и веселящаго. Позналъ и

Превращеніе Вольги въ ясна-сокола

твердость камня молчаливаго и недосыгаемость блуждающихъ по небу и тоже молчаливыхъ тучъ, и неусыпную лучистость молчаливыхъ звѣздъ, и поклоны травъ, цвѣтовъ и ковылей въ лугахъ, и молчаливый зовъ далекихъ синихъ горныхъ долинъ.

Только не зналъ еще Урсуль сладостной быстроты конскаго бѣга и не зналъ, что существуетъ на землѣ стыдливое волненіе подъ взглядомъ нѣжно-зовущихъ дѣвчихъ глазъ...

Вотъ впервые, позади отца, онъ былъ посаженъ на сѣдло коня и впервые выѣхалъ на высоту сосѣдней сѣдловины, съ которой впервые развернулся для него весь необъятный міръ — все голубое озеро Джайлю, закованное кольцомъ синихъ горъ.

Знакомо пахло отъ отца барсучьимъ жиромъ и дымомъ родной юрты. У Башкауса вѣтеръ расплелъ черную косу и концомъ ея щекоталъ лицо и голову Урсула. Чубарый конь шелъ зыбкимъ шагомъ и матерински укачивалъ. Земля и горы строго шли кругами назадъ, а за голыя ноги Урсула хватался цвѣтушій шиповникъ. И пѣлъ отецъ, баюкалъ горы, и горы качались, вторили отцу и грозили повалиться всею тяжестью подъ крутой откосъ, а внизу подъ откосомъ скакали черезъ камни, пѣнились и шумѣли, шумѣли бѣлогривыя волны озера. И не было конца кругу голубой воды и горъ.

А Башкаусъ пѣлъ высокой, тонкой нотой:

„Бываетъ ли тополь выше горы?“

Бываетъ ли красавица лучше моей?“

Такъ своей Чельчи, Урсуловой матерью, хвалился пастухъ. И вспомнилъ Урсуль запахъ матери, такой питающій и усыпляющій, смѣшанный съ запахами дыма и вѣтками богульника и вереска, которыя она всегда носила въ даръ огню въ очагѣ юрты.

„Бываетъ ли конь быстрѣй моего?“

Бываетъ ли сынъ-богатырь милѣй моего?“

И большая, твердая пахучая рука нащупала позади голову Урсула — тутъ ли Богомъ данный сынъ? Смолистые пальцы торопливо вытерли носъ Урсула, а хорошо показанные отцовскіе зубы послали блескъ нѣжной радости.

„У коновязи на Востокъ чей бѣгунецъ? Чей?“

А на бѣгунцѣ на этомъ чей молодецъ? Чей?“

И вдругъ, какъ бы отъ радостнаго смѣха двухъ богатырей, сидѣвшихъ на Чубаромъ, повалились однѣ горы на другія. Чубарый вывезъ ихъ на первую сѣдловину, и открылъ Урсуль глаза на новый безпредѣльный мѣръ Ульгена.

Это были высокіе альпійскіе луга надъ озеромъ Джайлю, на которыхъ паслись многочисленные табуны и стада великаго хана Агана. И впервые позналъ Урсуль радость, что не постороннимъ былъ здѣсь человѣкомъ отецъ его Башкаусъ, а былъ онъ ханскимъ пастухомъ. И захотѣлось ему самому скорѣе вырости, чтобы самому сѣсть на Чубараго и стать самымъ лучшимъ, самымъ вѣрнымъ пастухомъ хана Агана. Чтобы выѣхать на горы, свистнуть, крикнуть, и табуны гулкою толпою сгрудились бы и побѣжали туда, куда погонить ихъ лучшей всадникъ-пастухъ. И вдругъ крикнулъ Урсуль на воображаемые табуны:

— Эй-гэй, табуны! Урсуль на конѣ за вами бѣжить!

Крикнулъ и, впервые услышавъ свой голосъ, юноша Урсуль очнулся и увидѣлъ, что онъ пѣшій овечій пастухъ, не знающій сладостнаго конскаго бѣга подъ собою. Чубарый не умѣетъ быстро бѣгать, состарился, а другого коня нѣтъ у стараго Башкауса.

Бѣдень Урсуль-Ойротъ-Пастухъ, но это ничего! Ханъ - Аганъ Богатырь — богатъ — это хорошо! Алтай богатъ — это хорошо. Весь Божій мѣръ богатъ — это такъ хорошо! А самое великое Урсулово богатство вотъ оно: онъ видитъ озеро Джайлю, видитъ вершины горъ, видитъ густые лѣса, зеленые луга, цвѣточные ковры. Урсуль слышитъ кукушку и жаворонка, Урсуль слышитъ прибрежную волну и ласковый шопотъ деревьевъ. Урсуль чувствуетъ нѣжныя объятія душистаго горнаго вѣтра.

И сама собою складывается первая пѣсня Урсула:

„Эхъ, хорошо, свѣтло, легко жить пастухомъ!

На девятой веснѣ сталъ Урсуль пастухомъ.

Бабочка на цвѣтокъ садится медь кушать.

Урсуль-пастухъ можетъ пѣсни пѣть круглый годъ.“

Да, на девятую весну своей жизни сталъ Урсуль пастушенкомъ, веселымъ, улыбчивымъ, быстроногимъ, какъ мараль. Безъ коня — быстръ бѣгъ его.

Безъ стрѣлы — остры черные глаза его. Какъ молніи свѣтлыя думы его.

Когда исполнилось двѣнадцать весень — поручили пастухи Урсулу гнать стадо молодыхъ барановъ въ ханскую ставку — на выборъ хану на завтракъ самаго хорошаго барашка.

Широко развернулась на изумрудномъ лугу ханская ставка - бисеръ изъ желтыхъ и бѣлыхъ круглыхъ юртъ. Какъ стрѣлы носились всадники отъ ставки къ ставкѣ. Какъ муравьи кишѣли слуги между юртъ. Не могъ Урсуль всего подробно рассказать даже Чельчи — восторгъ остановилъ дыханіе. И радовался Урсуль чужой радости такъ, какъ не умѣютъ радоваться своимъ радостямъ всѣ ханы и цари земли.

На пятнадцатую весну впервые увидѣлъ Урсуль и самаго хана Агана. О, это былъ навѣрное самъ воплощенный ханъ Ульгенъ. Конь въ серебрѣ, сѣдло въ золотѣ, самъ въ лисицахъ и въ собольей шапкѣ. Голосъ — труба, взмахъ плети — ужасъ, взглядъ — грозная молнія въ полночи.

Такъ думалъ и напѣвалъ Пастухъ-Ойротъ-Урсуль въ горахъ въ тотъ первый день своей семнадцатой весны, когда впервые услышалъ онъ сладостную звучность музыки своего голоса.

Но вотъ опять умолкъ Урсуль, и пѣсня его прервалась, и думы его замерли. Потому что увидѣлъ Урсуль невиданное чудо, о которомъ невозможно рассказать даже самому себѣ.

Только затихъ и замеръ на мѣстѣ Урсуль - Пастухъ.

Нѣту словъ такихъ на языкѣ Урсула, чтобы рассказать это словами. Нѣту цвѣтовъ такихъ во всѣхъ лугахъ Алтая, чтобы сравнить это съ цвѣтами. Нѣтъ птичьихъ голосовъ такихъ во всѣхъ лѣсахъ и на горахъ Алтая, чтобы сравнить ту музыку съ земными голосами.

И почему такъ стало грустно - грустно отъ такой великой, свѣтлой радости? Почему такъ приумолкъ и запечалился молодой пастухъ?

Ай-ай, запечалился и погасилъ свои думы и пѣсни Урсуль. Потому, что понялъ онъ въ первый разъ, что не ханскій сынъ, а пастушескій. Оглохъ ко всѣмъ голосамъ и звукамъ Урсуль. Зазвучалъ въ немъ но-

Превращеніе Вольги въ буй - тура

вый серебряный колокольчикъ, не земною пѣсней прозвучалъ веселый малиновый смѣхъ, не Урсуловъ смѣхъ... Чей?

Проскакала мимо овечьяго стада на бѣлой кобылицѣ юная дочь хана Агана, такая же какъ та... Какая? Урсуль никогда не видѣлъ и не зналъ никакой другой, но все-таки она была такая же, какъ та давно-давно гдѣ-то знаемая, самая родная, самая далекая и близкая, которую до своего рожденія Урсуль видѣлъ, которую до перваго пробужденія чуялъ... Катынь-Су!

И не стало больше солнечнаго свѣта для Урсула. Замолчали и высохли всѣ рѣки въ руслахъ своихъ. Остановились на путяхъ небесныхъ облака. Засохли травы и цвѣты въ лугахъ. Умерли всѣ птицы въ гнѣздахъ и на перелетахъ. Только жило и стояло передъ взоромъ пастуха Урсула смугло-розовое дѣвичье лицо. Только чуялъ онъ лучъ свѣта изъ веселыхъ черныхъ глазъ мелькнувшей всад-

ницы. Только слышалъ незабываемую музыку ея брошеннаго мимолетно оклика:

— Эй, догони, пастушокъ!

Давно это упало съ устъ ея. Уже давно исчезла, унеслась въ горахъ, но передъ глазами пастуха Урсула она все еще несется, скачетъ, улыбается и повторяетъ:

— Эй, догони, пастушокъ!

И не слышалъ самъ себя Урсуль-Пастухъ. Пѣль, разливалъ первую печаль по зарѣ, заливалъ своей тоскою синюю гладь озера, заглушалъ всѣ голоса рѣкъ и вѣтра, а самъ снова не слышалъ себя.

Но зато весь Алтай, вся земля, все небо, всѣ ночныя звѣзды слушали Урсуль-Ойрота-Пастуха и молчали, молчали, молчали.

Потому, что когда беззаботная юность поетъ — всѣ молчатъ, всѣ подпѣваютъ. Когда же проснувшаяся первая любовь поетъ, всѣ молчатъ, всѣ слушаютъ, всѣ вспоминаютъ, всѣ ждутъ, — всѣ благоговѣнно молятся.

IV. Катынь-Су — сама любовь.

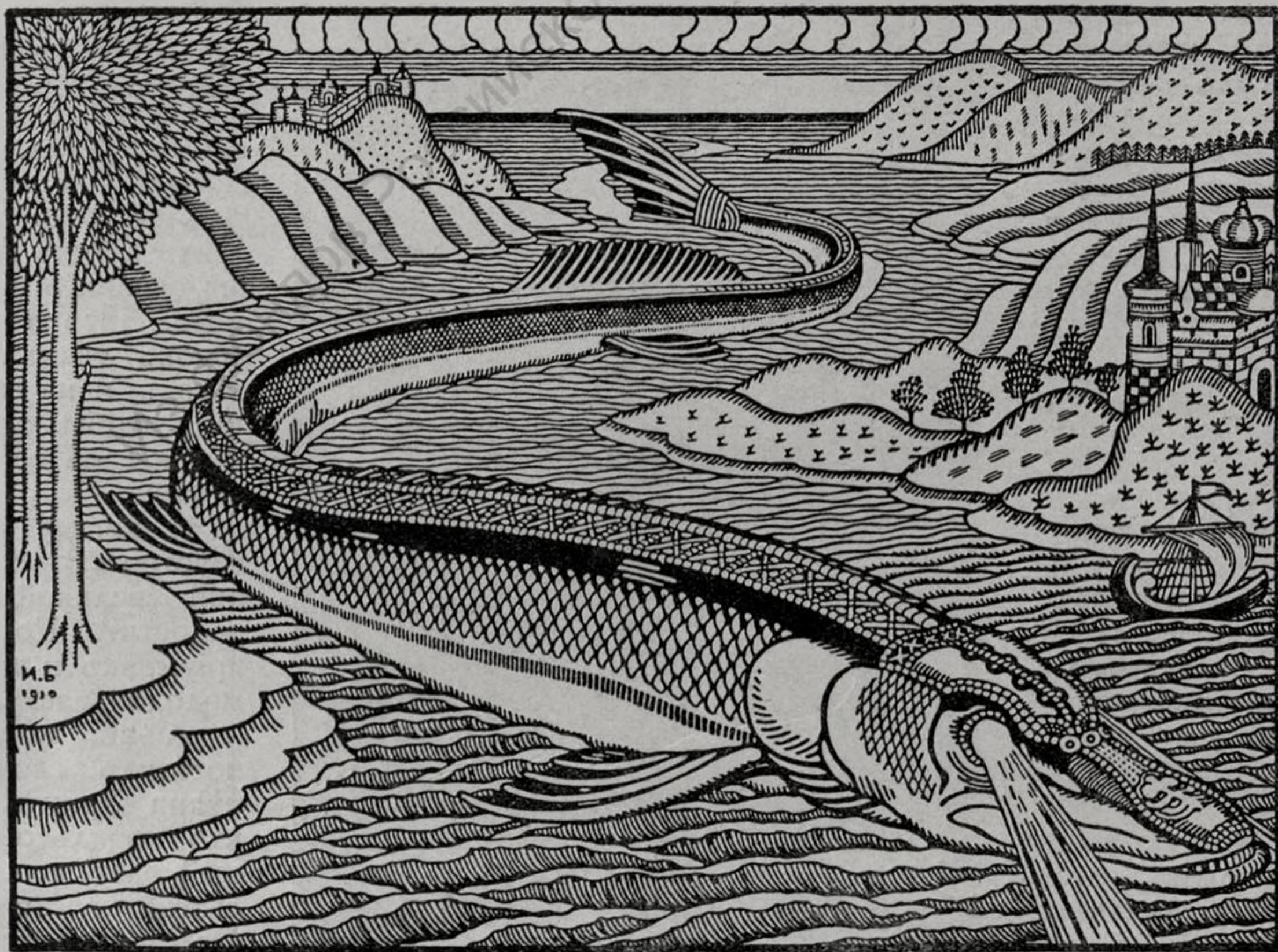
У хана Агана много женъ. У хана Агана много дѣтей, сыновей и дочерей. У хана Агана одна любимая жена Алтынъ-Ту, у хана Агана одна любимая дочь Катынь-Су, радость весенняго утра, свѣтъ восходящаго дня.

Эй, всѣ ханы Востока! Эй, эй, всѣ богатыри земли! Напрасно приносите ваши дары и богатства, напрасно хвалитесь просторами вашихъ владѣній и силою вашихъ ратей и мудростью

вашихъ законовъ — ханъ Аганъ не возьметъ ничего, ханъ Аганъ свою дочь Катынь-Су не отдастъ никому ни за что.

Катынь-Су — сладкій плодъ великой любви, Катынь-Су — самая свѣтлая радость народовъ Алтая, Катынь-Су — благословеніе Владыки звѣздъ. Катынь-Су — первый лучшій цвѣтокъ въ Прекрасномъ Саду земли.

Ой, ой! Катынь-Су такъ хороша! Ой, ой!

И. Я. Билибинъ

Щука (Изъ Новгородской былины)

Катынь-Су еще не знает любви! Ой, ой! Катынь-Су — сама любовь!

Хань Агань уже многих обидѣлъ знатныхъ людей: прогналъ хановъ и ханскихъ сыновей и великихъ заѣзжихъ князей. Никто не смѣетъ любить Катынь-Су, никто не смѣетъ помышлять о женитьбѣ на ней. Никто не смѣетъ даже смотрѣть на нее. Одинъ ханъ грозитъ убить себя — нѣтъ радости жить безъ любви Катынь-Су. Другой грозитъ украсть Катынь-Су. Третій грозитъ на хана войной пойти, чтобы силой отнять Катынь-Су.

Но Катынь-Су еще такъ молода. Катынь-Су, какъ дитя, весела и доверчива, какъ невинная козочка рѣзва и беззаботна, какъ горная рѣчка быстра и капризна. Охъ, сколько заботъ съ такой, сколько боязни и трепета въ сердцѣ слугъ. Сотни глазъ берегутъ, десятки служанокъ ухаживаютъ, отецъ и мать днемъ и ночью глазъ не спускаютъ съ нея.

И все-таки никто не углядѣлъ. Никто не видалъ, какъ и когда успѣла поймать бѣлую кобылицу. Сама взнузда, сама осѣдлала. Ой, сама ли? Сама сѣла, одна ускакала... Ой, одна ли?.. Какъ вѣтеръ шальная, какъ птица неуловимая, носится съ утра въ горахъ... Ой, жива ли?..

Въ ставкѣ ужасъ и бѣда для всѣхъ. Въ ставкѣ всѣ стали виновными. Въ ставкѣ угасло солнце для cadaго. Ханъ въ яростномъ гнѣвѣ всѣмъ грозилъ казнями. Ханша отъ горя утратила разумъ.

— „Украли, украли ихъ дочь Катынь-Су“.

А Катынь-Су по вечерней зарѣ прискакала изъ горъ. Какъ сама заря — розовая, какъ жаворонокъ щебетливая, какъ улыбка перваго счастья веселая.

Все рассказала безумному отъ счастья отцу, что видѣла, что слышала, что почувяла одна въ горахъ. Только умолчала о бѣдномъ молодомъ пастухѣ. Почему умолчала — сама не знала, а спать легла — уснуть не могла. Все думала, думала, думала: почему такъ красивъ простой пастухъ? Почему никогда среди ханскихъ дѣтей она не видѣла такихъ? Почему такой ласкою въ сердцѣ звучитъ его пѣсня? Почему такъ запомнился взглядъ его, звѣздный и знойный сонъ наяву?

Прошла ночь — утро розовыя крылья взметнуло надъ горами. Пахнуло радостью прохлады и улыбкой свѣта на весь Алтай. А Катынь-Су, будто узнавшая печаль, грустно сидитъ, безъ сна всю ночь провела. Ни ѣсть, ни пить, ни съ кѣмъ не говоритъ. Даже не смотритъ на бѣлый свѣтъ. Все думаетъ: почему есть на свѣтѣ красивый и бѣдный пастухъ? Почему тотъ пастухъ не ханскій сынъ?

И вновь, какъ вода сквозь ткань, сквозь

дозоръ ушла. Любимая кобылица сама на зовъ пришла. И вновь ускакала на зеленые пастушьи луга. Опять разыскала пѣвца-пастуха.

И случилось все такъ, какъ не бываетъ даже въ чудесномъ снѣ. Юный пастухъ стоялъ на прибрежномъ камнѣ надъ озеромъ. Какъ богъ, былъ прекрасенъ онъ въ грубой овчинѣ своей; какъ трубный кликъ молодого марала, звучалъ его голосъ въ горахъ. Какъ ласковый вѣтеръ, удивленно шептала и приникала къ дѣвушкѣ пѣсня его. А онъ пѣлъ съ закрытыми глазами, не видя ея:

„О шестидесяти шести пуговицахъ она носитъ курму. Кто ихъ всѣ можетъ вразъ застегнуть?“

Урсуль-Ойротъ можетъ застегнуть.

Отъ семидесяти семи хановъ ей дары принесутъ.

Отъ кого Катынь-Су приметъ даръ?

Отъ Урсула-Ойрота приметъ пѣсню горъ“.

О, Катынь-Су! Ты ли это стоишь у дуплистой лиственницы и слушаешь пѣсню божественнаго пастуха?

О, счастье! Да, это ты, Катынь-Су!

А Урсуль, не видя дѣвушки, стоялъ и пѣлъ — рассказывалъ свои тайныя думы озеру Джайлю:

„Когда Ойротъ захочетъ взять Катынь-Су,

Тогда пастухъ Урсуль станетъ богатыремъ.

Если Катынь-Су увидитъ сердце Урсула,

Она броситъ ханскую ставку и сама босикомъ придетъ“.

Не выдержала Катынь-Су, выѣхала изъ-за дуплистой лиственницы, въ которой былъ рожденъ Ойротъ, и припѣвно повторила за Урсуломъ нѣжнымъ голосомъ:

„Она броситъ ханскую ставку и сама босикомъ придетъ“.

Тутъ снова родился на свѣтъ Ойротъ.

Тутъ впервые почувяла себя царственной женщиной Катынь-Су.

Какъ женихъ, какъ ханскій сынъ, какъ могучій богатырь снялъ ее съ лошади Урсуль-Ойротъ-Пастухъ.

Тутъ впервые узнали они оба и сладость и жертву любви.

Потому что здѣсь ихъ настигла погоня испуганныхъ ханскихъ слугъ.

... Эй, эй! Старый мудрецъ, у влюбленной дѣвушки не спрашивай ума.

Эй, эй! Властный ханъ, никакія твои козни не страшны пастуху!

Пастухъ, который любитъ, всѣмъ ханамъ ханъ!

Да, да. Узналъ, все узналъ ханъ Агань, какъ пожаръ распылался, разгнѣвался. Приказалъ пастуха Урсула въ рабы, въ чужое далекое ханство продать. Приказалъ посадить въ каменную юрту любимую дочь Катынь-Су. Приказалъ ее выдать замужъ за перваго стараго хана, кто посватается.

И. Я. Билибинъ

Царь Салтанъ идетъ на войну

Да только слухъ по всему Алтаю пошелъ:
ханская дочь Катынъ-Су въ пастуха влюбилась...

И никто даже изъ ханскихъ слугъ не хотѣлъ
посвататься за нее.

Охъ, можно ли рассказать о гнѣвѣ хана Агана?

Охъ, можно ли повѣдать о горести двухъ разлучен-
ныхъ сердець?

Если бы были вмѣстѣ — крылья бы выро-
сли. И пастушій шалашъ — былъ бы тверды-
нею лучшаго счастья. А въ неволѣ - разлукѣ
послѣдній разумъ теряется.

Какъ птицы въ клѣткахъ, влюбленные би-
лись, ломая хрупкія перья крыльевъ.

Какъ отравленная ласточка, лежала въ огнѣ
любви и горя Катынъ-Су.

Какъ соколъ молодой, сидѣлъ Урсуль-Ойротъ
на привязи подъ жестокими дозорами хан-
скихъ слугъ.

Скоро они поведутъ его въ невѣдомую тьму
чужбины.

— Какъ быть? Какъ быть? Какъ жить на
землѣ?

Спрашивалъ у горъ Урсуль-Ойротъ — горы
молчали.

Спрашивалъ у неба — небо молчало.

Только лѣсъ шепталъ понятное Урсулу:

„Она любить“.

Да вѣтеръ гудѣлъ прямо въ уши:

„Давай убѣжимъ!..“

V. Урсуль-Ойротъ съ озеромъ Джайлю прощается.

Даже самый холодный таетъ ледъ, когда весна идетъ.

Даже самая темная печаль умираетъ, когда любовь цвѣтетъ.

Полюбила Катынъ-Су Ойрота — для Ойрота, загорѣлась свѣтомъ солнечнымъ — для его счастья.

Полюбилъ Ойротъ Катынъ-Су — для Катынъ-Су, загорѣлся жаждой умереть — для ея счастья.

Такъ два луча любви сплелись и стали цѣпью — кованной, серебряной.

Подала лучъ Катынъ-Су Ойроту—у Ойрота вспыхнулъ духъ побѣды.

Подаль лучъ Ойротъ — у Катынъ-Су за-теплилась надежда.

И запѣлъ Пастухъ-Урсуль пѣсню, какъ на волѣ. О высокихъ горахъ — слушаютъ. О зеленыхъ горахъ — слушаютъ. О синихъ долинахъ — объ Алтаѣ — слушаютъ. О любви пастуха Урсула къ ханской дочери — обозлились. Стали бить Урсула, а Урсуль не чувствуетъ.

Бьютъ Урсула стражи, а Урсуль-Ойротъ усмѣшкой и пѣсней ихъ покоряетъ. Истомились стражи, отступились. А Урсуль поетъ и пѣсней ихъ злобу, какъ лучомъ волшебнымъ, угашаетъ...

И заслушались ханскіе стражи, забылись. Вспомнили все лучшее, все самое святое въ своей жизни — удивились: никогда не слышали такой чудесной пѣсни.

Такъ любовь - надежда въ пѣснѣ усыпила вражескую злобу и открыла пастуху Урсулу дверь на волю...

Такъ любовь - готовность помогли уйти отъ рабства. Потому что для любви все помогаетъ. Помогли Урсулу горныя ущелья — увели его и не видали. Лѣсъ помогъ Урсулу — спряталъ и не слышалъ. Вѣтеръ помогъ — замель слѣды бѣглеца и не почуялъ. Небо улыбалось синею улыбкой и молчало.

Потому что была любовь Урсуль-Ойрота къ Катынъ-Су превыше горъ и шире крыльевъ вѣтра. Потому что была любовь Катынъ-Су къ Ойроту необъятнѣе и глубже неба.

И стали горы, лѣсъ, вѣтеръ и небо — щитами для любимаго и для любимой.

И стало тѣсное дупло старой лиственницы свѣтлымъ прибѣжищемъ для великаго сердца Ойрота.

Когда все заснуло въ горахъ и только звѣзды серебряными зернами усѣяли озеро — съ лиловаго склона горы, съ лѣсной зеленой поляны, изъ дупла старой лиственницы звучными каплями упали на синюю озерную гладь звуки новой пастушеской пѣсни.

„Если бы птицею стать — сѣлъ бы у входа въ юрту ея —

Увидѣла бы, какъ люблю ее.

Если бы собакой стать—легъ бы у ногъ ея —

Увидѣла бы, какъ люблю ее.

Если бы конемъ стать—унесъ бы ее въ звѣздный край.

Увидѣла бы, какъ люблю ее.

Прибѣги, прибѣги, прибѣги, Катынъ-Су!..“

Но плескались въ отвѣтъ волны озера о каменные берега. Качались звѣзды въ глубинѣ. Вѣтеръ шагаль съ вершины на вершину, тяжело вздыхаль. Всѣ рѣки оплакивали разорванный лучъ любви.

Выбѣжалъ Урсуль-Ойротъ-Пастухъ изъ своего убѣжища. Легкимъ горнымъ мараломъ понесся по горамъ, смѣлымъ орломъ пролетѣлъ надъ ставкою хана, безпокойнымъ вѣтромъ ворвался въ опустѣвшіе шатры и юрты — нигдѣ не было Катынъ-Су. Замолкъ ея колокольчикъ — голосъ, исчезъ ароматъ ея дыханія, угасъ лучъ ея свѣтлаго взгляда... Только вѣтеръ вздыхаль и шепталъ:

Ахъ, ахъ, ахъ, бѣдный Урсуль-Ойротъ-Пастухъ!

Увели твою любимую въ темный край.

Самъ страшный ханъ Эрликъ похитилъ ее.

Ахъ, ахъ, ахъ, бѣдный Урсуль-Ойротъ-Пастухъ!

И утратилъ Урсуль волю и надежду. Увяли крылья духа его. Пѣлъ наугадъ свои пѣсни, пѣлъ самъ не зная что и зачѣмъ поетъ. Сами слова приходили, какую-то давно забытую жизнь будили.

„Отецъ далъ мнѣ желтаго коня и серебряный лукъ.

А матушка дала мнѣ дорогой бѣлый камень-стрѣлу.

Оба сказали: будь достойнымъ воиномъ въ битвѣ.

Охъ, черная коса моя длиной до колѣнъ,

Навѣрное, будетъ лежать свитая на землѣ.

Въ черно-лѣсныхъ глазахъ моихъ остановится миганіе

Дорогой желтый конь мой воротится домой.

Скажи же отцу, что я палъ въ храбромъ бою.

Скажи матери, что я получилъ пятнадцать ранъ“.

Такъ пѣлъ молодой Урсуль, и печально звучала пѣсня его въ золотѣ утренней зари. Потому что вставаль день разлуки его съ озеромъ Джайлю, гдѣ впервые увидаль онъ Катынъ-Су, гдѣ впервые позналъ любовь, которую украсть злой Эрликъ.

Да, да, да, — поидетъ Урсуль-Ойротъ-Пастухъ самъ въ темный край. Найдеть Урсуль-Ойротъ-Пастухъ желтаго прекраснаго коня и материнскую бѣлую камень-стрѣлу и вызоветъ на смертный бой самого хана Эрлика и получить пятнадцать ранъ въ бою, и умереть за любимую Катынъ-Су.

И опять, въ отвѣтъ на эту готовность, откуда-то лучъ блеснулъ, какъ будто почуяла Катынъ-Су отвагу Ойрота и послала ему свою улыбку любви.

Посмотрѣлъ на себя Урсуль — онъ опять бѣднякъ - пастухъ. И чудо, которое однажды онъ узналъ, покрылось темнотою горя. Съ горя онъ опять запѣлъ. И въ пѣснѣ его зазвучали ключи отъ

вольный вѣтеръ — какъ горный Духъ — всепо-
коряющее Время.

И снова взмолился онъ вольному вѣтру но-
вой могучею пѣсней:

„Эй, вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ!

Вѣтеръ — сынъ время безначальныхъ,

Вѣтеръ — спутникъ міровъ безконечныхъ,

Вѣтеръ — крылья великихъ планетъ.

Вѣтеръ — дыханіе Вселенскаго Бога.

Вѣтеръ — радость Движенія.

Вѣтеръ — другъ морскихъ плователей.

Вѣтеръ — слуга матерей, люльку дѣтей ихъ качающій
въ полѣ.

Вѣтеръ — всю землю ласкающій.

Вѣтеръ — ты мой единственный другъ и братъ, и
свидѣтель.

Тебя призываю на помощь.

Обнимемъ, Вѣтеръ!..“

Обнялся Урсуль-Ойротъ-Пастухъ съ воль-
нымъ вѣтромъ на утесѣ и закрылъ глаза, за-
думался. И шепталъ - молился и великую думу
съ вѣтромъ обсуживалъ.

„Ты, вѣтеръ многокрылый, знаешь!

Ты, вѣтеръ, убаюкавшій несмѣтныя тысячелѣтія, все
помнишь.

Ты, вѣтеръ, знающій пути земли и солнца, не измѣ-
нишь и не посмѣешься.

И. Я. Билибинъ

Св. благовѣрный вел. кн. Андрей Боголюбскій

Ты, вѣтеръ, неусыпный стражъ при смѣнѣ всѣхъ временъ, не скроешь правды.

Ты, растянувшій по землѣ безчисленныя паутины непрерывныхъ людскихъ жизней — не порвешь надежды.

Усыпи же, убаюкай, вѣтеръ, злое зло Эрлика.

И пошли, эй, вѣтеръ, силу и непобѣдимость Пастуху-Урсуль-Ойроту.

Разбуди въ немъ память о прошедшихъ жизняхъ.

Награди его прозрѣніемъ грядущихъ озареній.

И тогда Ойротъ послужитъ своему отцу Алтаю,

И тогда заступится Ойротъ за свою возлюбленную Катынъ-Су — за свѣтлый лучъ Алтая.

И освободитъ отъ горя и нужды и злой неправды весь народъ Алтайскій.

И стануть всѣ Алтай-кижи жить мирно и счастливо.

Усыпи же, вѣтеръ, убаюкай зло Эрлика.

Замети слѣды его подземной жизни.

Залѣчи, загладь печаль и жалобы травой забвенья — ковылями.

Пусть ихъ бѣлый кучерявый шелкъ будетъ шопотомъ твоей баюкающей ласки.

Усыпи, эй, вѣтеръ, и меня великимъ сномъ тысячелѣтій,

Чтобы всталъ — проснулся я богатыремъ могучимъ,

Чтобы снова насадилъ я на землѣ для всѣхъ людей великій садъ прекрасный.

Чтобы не было тогда подъ небомъ даже памяти о зломъ Эрликѣ.

Чтобы Катынъ-Су любимая жила счастливо подъ моей защитой“.

Съ этими словами Урсуль-Ойротъ-Пастухъ взмахнулъ могучими руками и превратился въ камень — великанъ гранитный.

И повалился камень-богатырь въ озеро Джайлю всей своей великой тяжестью.

И разбился край у чаши изумрудной. Вскипѣли воды, и грознымъ водопадомъ опрокину-

лось все озеро Джайлю, и бросилось оно рыть каменный свой путь въ подземелье, гдѣ подъ покровомъ вѣчной ночи царствуетъ Эрликъ косматый.

Такъ опрокинулась, сломалась изумрудная чаша Алтая. Такъ родился великій горный потокъ Чулышманъ-рѣка. Такъ чудо великой любви и жажды правды для Алтая превратили бѣднаго пастуха въ горнаго богатыря и хана, окаменѣвшаго до положеннаго срока.

Потому что великаго богатыря не можетъ держать родная земля. Гдѣ пройдетъ, тамъ поясъ въ землю провалится. Скажетъ слово — громъ гремитъ. Улыбнется — молніи сверкаютъ. Вздохнетъ — всю землю туманъ покроетъ.

Потому такъ много горъ — богатырей полегло до срока на Алтаѣ.

Потому такъ властенъ и непобѣдимъ Эрликъ до сужденнаго часа.

И вотъ лежатъ богатыри, горами каменными смотрятъ въ небо. И ждутъ всѣ знака, что напишутъ времена изъ свѣтлыхъ звѣздъ на небѣ.

И будетъ долго спать Урсуль-Ойротъ-Пастухъ въ горахъ Алтая. Будетъ долго ждать онъ звѣздныхъ знаковъ въ небѣ, ждать и спать съ открытыми глазами. И первый онъ, Ойротъ, дождется, потому что любить.

Дождется, встанетъ, загремитъ доспѣхами и скажетъ вѣщее святое слово, о которомъ никогда, никто, нигдѣ не слышалъ.

И встанутъ всѣ богатыри — всѣ горы. Встанутъ и пойдутъ, пойдутъ великой ратью на Эрлика. Встанутъ и начнутъ, начнутъ послѣднюю войну со зломъ великимъ. И освободятъ плѣненную Эрликомъ радость всѣхъ временъ, горнюю, бессмертную любовь Алтая.

VII. Катынъ-Су великой рѣкой между горъ разливается.

Филинъ лаеетъ на ночную луну, потому что даже лунный свѣтъ безпокоенъ для филина.

Совы ничего не видятъ днемъ, хотя у нихъ и большіе глаза, и свѣтъ солнца для нихъ темнѣе ночи.

Змѣя никогда ничего не узнаетъ о свѣтломъ небѣ, потому что сверху ей всегда грозитъ только вражескій ударъ или твердое копыто.

И филинъ, и совы, и змѣи, и подземное тлѣніе кореньевъ, и вѣчная темнота каменныхъ нѣдръ, и затаенный, широко-раскрытый взглядъ отчаянія — вотъ чѣмъ обильно украшенъ путь въ подземное царство Эрлика, страшный путь затхлой тьмы и ледяного молчанія.

Лукавые слуги Эрлика сильны и заботливы, а Катынъ-Су между нихъ слаба и беспомощна. Покинутая родительскимъ благословеніемъ и заклеянная судомъ рабовъ, она

покорно шла во тьмѣ и холодѣ все глубже въ потаенныя подземныя пещеры.

Но взгляды отчаянія еще не оледенилъ ея надежды, потому что ея сердце свѣтилось любовью къ Пастуху-Урсулу, къ бѣдному, полупаганому пастуху съ глазами, какъ двѣ огненныхъ звѣзды на небѣ. Еще звучали въ ея сердцѣ его пѣсни, еще горѣли на груди его прикосновенія. Яркимъ пламенемъ горѣла передъ ней душа Ойрота, и все ярче свѣтилась любовь къ Ойроту въ сердцѣ Катынъ-Су въ неволѣ. И чѣмъ глубже опускали ея слуги злого бога, тѣмъ сильнѣе разгоралось пламя свѣта. Передъ этимъ свѣтомъ, ослѣпленные, бѣжали глубже въ тьму и прятались всѣ гады преисподней, и никогда не видѣвшія свѣта нѣдра трепетали въ страхѣ:

— „Что-то будетъ? О, Эрликъ всемогущій!“

И вотъ гдѣ-то среди камней, въ расщелинѣ, залепеталъ подземный ручеекъ. Отъ струй его повѣяло дыханьемъ вѣтерка. Встрепенулось сердце Катынѣ-Су, она рванулась къ ручейку, глотнула полной грудью чистаго дыханья вѣтра...

И отступили въ смертномъ страхѣ всѣ слуги Эрлика, когда плѣнница взмолилась вѣтру:

— О, вольный вѣтеръ! Это ты принесъ ко мнѣ безсмертное дыханіе любви простаго пастуха Урсула. О, мой Урсуль-Ойротъ! Любовь твоя со мною!

И въ этотъ самый мигъ тамъ наверху раздался громъ и гулъ, какъ будто повалились горы. Въ этотъ самый мигъ Урсуль-Ойротъ упалъ съ утеса въ озеро Джайлю и превратился въ каменную гору. А духъ его какъ буря ринулся на бой съ Эрликомъ.

И хлынула вода въ подземныя пещеры мощнымъ и веселымъ водопадомъ. Загудѣлъ, запѣлъ о волѣ буйный вѣтеръ. Зацвѣла улыбка радостной надежды на лицѣ у Катынѣ-Су невинной. Она вскинула навстрѣчу вѣтру свои руки, и на мѣстѣ слабыхъ рукъ у нея мгновенно выросли легкія и могучія крылья. Упали крылья на грудь вѣтру, и вѣтеръ подхватилъ широкими объятями и вырвалъ плѣнницу Эрлика изъ нѣдръ темной преисподней...

Вынесъ вѣтеръ Катынѣ-Су на волю, вынесъ на высоты горъ Алтайскихъ, вынесъ и поста-

вилъ ее на вершинѣ самой высокой, самой бѣлой, самой неприступной и святой горы Бѣлухи.

Ослѣпительная бѣлизна снѣговъ блистала на жемчужномъ полукружьи горныхъ вершинъ и въ изумрудѣ движущихся льдовъ, и въ буйномъ хмелѣ перламутровыхъ облаковъ.

Вѣтеръ оставилъ Катынѣ-Су одну на высотѣ, и было сновидѣніе прекраснымъ до глубокой грусти. Потому что одинокой и покинутой осталась Катынѣ-Су на высотѣ Бѣлухи. Только тамъ внизу далеко, надъ берегами озера Джайлю, лежала сѣрая гора — окаменѣлый богатырь Урсуль-Ойротъ любимый. Озеро Джайлю, какъ чаша съ голубою кровью, накопившейся изъ раны павшаго богатыря, стояло у подножія горы, а изумрудною долиной въ глубь ущелій убѣгалъ на западъ бѣлопѣнный Чулышманъ, какъ вѣстникъ грусти замолчавшаго побѣдителя, какъ безудержный потокъ печальныхъ и счастливыхъ слезъ.

Когда онъ убѣгалъ, ради чего онъ покидалъ родное озеро и горы — Катынѣ-Су не знала.

Куда она должна теперь сама идти, къ кому припасть на грудь, кому отдать любовь свою — Катынѣ-Су не знала.

Зачѣмъ стоитъ на бѣлой вершинѣ, кого и долго-ль ждать, кому отдать свои надежды и желанья, кому принести въ даръ свое чистое дѣвичье сердце — Катынѣ-Су не знала.

Въ отчаянной тоскѣ по умолкшему окаменѣвшему Ойроту она наполнилась однимъ — единственнымъ желаніемъ: плакать, плакать-плакать... Плакать цѣлые вѣка и цѣлыя тысячелѣтія, пока не встанетъ, не пробудится отъ каменнаго сна своего и не придетъ къ ней богатырь—пастухъ великій. Плакать отъ тоски къ никому не отданныхъ желаній, плакать отъ надежды сладостной и отъ предвкушеній счастья встрѣчи съ нѣжнымъ другомъ и возлюбленнымъ Ойротомъ. Ибо гдѣ-нибудь, когда-нибудь неумиращее время соединитъ любовь ихъ неразлучно. Ибо время такъ стремительно, всесильно и терпѣливо. И вотъ взметнула Катунь-Су къ голубому небу свои руки, въ послѣднемъ вздохѣ послала роднымъ горамъ всю силу неистраченной любви своей и въ изступленіи сказала полнозвучно:

— Вѣчною слезою проливаю чистую любовь мою на каменную грудь твою о, Хань-Алтай!

И закрывъ глаза, упала Катунь-Су съ великой высоты Бѣлухи и превратилась въ бѣлопѣнную, кипящую въ своихъ желаньяхъ, вѣчно поющую о любви, вѣчно-устремленную, впередъ и вѣчно-остающуюся среди синихъ горъ великую рѣку Катунь...

Бирюзовою лентой обвила Катунь широкое подножье Бѣлухи.

Позвала съ собой изъ горъ младшаго брата рѣку Архыть.

Позвала красавицу сестру Чую.

Позвала двухъ меньшихъ братьевъ Алеута и Кадрина.

Встрѣтила горнаго богатыря Урсула—нѣтъ не тотъ, не онъ, не Урсуль-Ойротъ. И вмѣстѣ со всѣми пятью рѣками побѣжала дальше, туда, куда побѣжалъ Чулышманъ.

Но сколько ни гналась, сколько ни искала, Чулышмана найти не могла.

Чулышманъ добѣжалъ до великаго Алтынъ-Куля — Телецкаго озера и упалъ на дно его вмѣстѣ со своимъ именемъ. Но выбѣжавшая изъ Алтынъ-Куля великая Бія - рѣка встрѣтила Катунь на великой равнинѣ и молча раскрыла ей свои нѣжные объятія.

Тутъ и великая Катунь имя свое спрятала.

И родилась изъ этого любовнаго объятія новая, еще болѣе великая Обь-рѣка, которая и орошаетъ и питаетъ величайшую сибирскую равнину отъ Алтайскихъ горъ до Сѣвернаго океана.

Но, радуя и орошая тучную великую равнину, великіе источники Алтая, сынъ Джайлю — Чулышманъ и дочь Бѣлухи — Катунь, сами никогда не убываютъ и не расстаются съ синими родными горами. И колыбель великаго рожденья ихъ истоковъ вѣчно покоится на тѣхъ же бѣло-перламутровыхъ высотахъ Сайлюгема и Бѣлухи.

Шумить и пѣнится и плещетъ волнами на изумрудные берега сынъ Джайлю-Куля, духъ хана и богатыря Ойрота — извѣчный Чулышманъ.

Извиваясь нѣжной сказочной красавицей, поетъ въ горахъ свою неумолкаемую пѣсню любви божественная Катунь-Су-Катунь.

Какъ вѣчный стражъ несмѣтныхъ залежей сокровищъ, спрятанныхъ въ горахъ и подъ водами, какъ бѣлоглавый витязь-богатырь, какъ неразгаданный еще таинственный молчунъ, хранить истоки своихъ рѣкъ великій ханъ Алтай.

А по склонамъ Алтайскихъ горъ за своимъ стадомъ бродитъ вѣчно молодой пастухъ Алтай-кижи...

Бродитъ такъ же неторопливо и раздумчиво, какъ бродилъ онъ тысячи лѣтъ, и все такъ же бѣдна и первобытна домра его съ волосяными струнами. Все такъ же придавлена величіемъ горъ простая и грустная пѣсня его.

Но въ узкихъ, раскосыхъ глазахъ его сверкаетъ огонекъ мечты и тайной радости. И въ унылой пѣснѣ его звучитъ побѣдная нота:

„Настоящій богачъ никогда и никому не скажетъ,
Гдѣ у него спрятано серебро...

Настоящій Алтай-кижи никогда и никому не скажетъ,
Когда опять Ойротъ прійдетъ.

Встань на зарѣ лицомъ къ Утру и тихо послушай:
О чемъ восходящее солнце поетъ.

Солнце поетъ: „Скоро Бѣлый Бурханъ Ойротъ прійдетъ“.

Солнце поетъ: „Скоро на Алтаѣ лучшая, новая жизнь зацвѣтетъ“.

Эй, Алтай-кижи! Паси свое стадо

И со склона горы въ синюю даль гляди.

Эй, Алтай-кижи! Ходи въ своемъ убогомъ рублищѣ

И никому не говори, что ты не стадо пасешь,

А самое великое въ мѣрѣ богатство бережешь,

Потому что земля твоя —

Прекрасный рай.

Потому что домъ твой —

Хань - Алтай.

Г. Гребенчиковъ

И. Я. БИЛЫЙ

„СТРЪВНИКА“
ILLUSTRATION OF A RUSSIAN TALE

И. Я. Библинъ

„Власть тьмы“ — Никита

ИВАНЪ УМОВЪ

ВОЛЖСКІЯ ВОДЫ

К. Д. Бальмонту

Вечерніе вѣтры внимаютъ
Взволнованнымъ всплескамъ валовъ.
Вѣтвистые вязаы вздыхаютъ;
Въ вершинахъ воззванья вѣтровъ.

Вдали выплываютъ вѣтрила; —
Вотъ внятные всплески весла.
Внизу въ водополье вступила
Влюбленная въ Волгу ветла.

Волнуются вешніе всходы
Въ весельи влюбленной волны, —
Воспѣли высокія воды
Величіе Волжской весны.

Въ весеннемъ вишенникѣ вздоритъ
Всезнающій вѣтеръ-вѣщунъ.
Волна важнымъ возгласамъ вторитъ,
Всколыхнувши влажный валунъ.

Вдругъ взбалмошный вѣтеръ верховый
Волну взбороздилъ, взбунтовалъ!
Всплеснувши, во взгорокъ вишневый
Взбѣжалъ взбудораженный валъ.

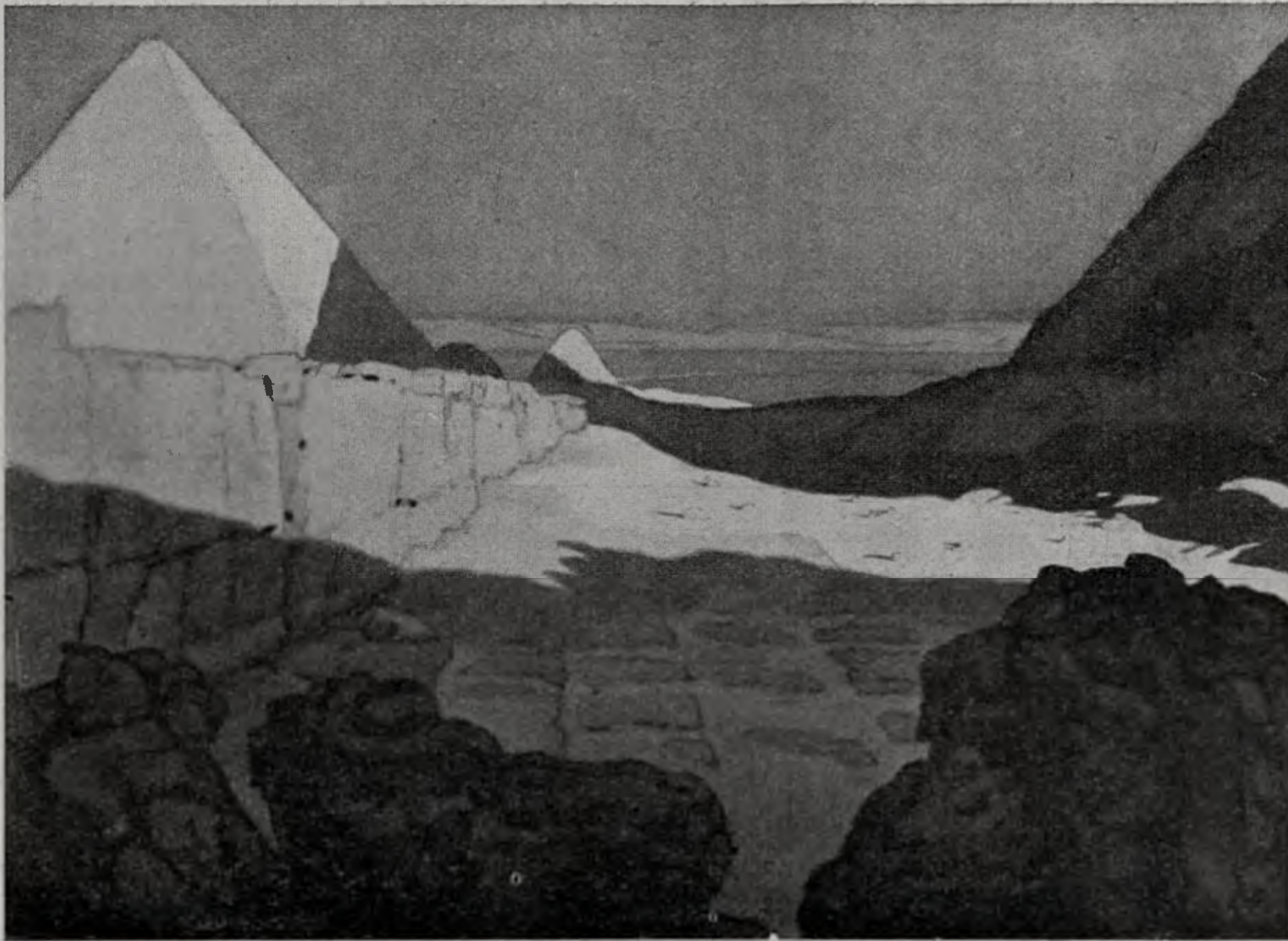
Верхній Египетъ

Иванъ Умовъ

отдѣльномъ
большомъ
шкафу). 12-е и
13-е мая—изъ
самыхъ за-
мѣчательныхъ
дней моеи
жизни, изъ са-
мыхъ „необы-
кновенныхъ“!

... Вышелъ
съ монахомъ
изъ Андреев-
скаго скита и
черезъ три ча-
са дошелъ сю-
да до Панте-
леймонова мо-
настыря. Мо-
нахи вездѣ
очень добрые
и ласковые.
Тутъ мона-
стырь ужъ
прямо гран-
діозный. Мнѣ

отвели чудную комнату съ розами, балко-
номъ на море, увитымъ виноградомъ, ти-
шина, роскошь... Я великолѣпно выпался,
но вчера все-же былъ на „повечеріи“, это

И. Я. Билибинъ

Уголокъ Сахары

—короткая
служба, ака-
ѣистъ Божіей
Матери. Опять
сталъ въ ста-
сидіи. Позна-
комился съ
архимандритомъ Кири-
комъ (исповѣ-
дникъ всего
монастыря),
онъ сказалъ,
что хорошо
мнѣ поговѣть.
Въ понедѣль-
никъ буду у
него исповѣ-
дываться, во
вторникъ при-
чащать ся.
Нынче утромъ
пришелъ ко
мнѣ библиоте-
каръ, о. Іо-
сифъ, водилъ

въ библиотечку, я принесъ домой грудку книгъ.
Все здѣсь необычайно! Время не наше.
Когда солнце заходитъ, то часы ставятъ
на 12, такъ что „гостиничникъ“ мой о.

И. Я. Билибинъ

Дворъ мечети Омара въ Іерусалимѣ

Іоасафъ подалъ мнѣ сегодня обѣдъ въ 8 ч'а с. утра (по ихъ времени). Нынче пойду вечеромъ на службу. Чувствую себя хорошо, очень возбужденно и совсѣмъ по особенному. Въ сущности, настоящее, т.-е. необыкновенное, только сейчасъ началось. Уже третій день я не вижу ни одного женскаго лица. Въѣздъ женщинамъ на Аѳонъ воспрещенъ.

Понедѣльникъ 16 мая.

Мон. Св. Пантелеймона, 7 ч. 50 м. утра.

Спаль, вдругъ голосъ В. такъ явственно сказалъ сквозь сонъ: „Пора вставать!“ Я вскочилъ, и правда, оказалось, пора: мы условились съ моимъ „гостинникомъ“, или какъ здѣсь называютъ „фондаричнымъ“ (отъ греч. слова), что въ 8 час. онъ принесетъ мнѣ чаю. Меня страшно тронуло и обрадовало, что слышу голосъ В. И дѣйствительно, о. Іоасафъ принесъ черезъ десять минутъ, какъ В. меня позвала, чаю.

Сегодня исповѣдуюсь у о. Кирика, архимандрита, духовника всей братіи. Съ 1 ч. ночи до 4 ч. шла заутреня въ большой церкви св. Митрофанія. Въ началѣ служенія въ окна свѣтила луна, и если приподняться въ стоялицѣ на цыпочки, то видно серебряное море; а потомъ стало свѣтло—какъ разъ къ концу утрени, когда служившій ее, бібліотекаръ іеромонахъ отецъ Іосифъ произнесъ: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“

Потомъ (когда приложились къ иконамъ и ковчежцамъ), подошелъ мой о. Іоасафъ — онъ вообще ходитъ за мной, какъ за малымъ дитятей — и повелъ еще полутемными, безконечными монастырскими коридорами въ т. н. „параклисъ“, т.-е. малую, какъ бы „домовую“ церковь, гдѣ служилъ литургію архимандритъ Кирикъ, старичокъ съ бровями какъ у покойнаго о. Кронида, съ бѣлой, легкой и обильнѣйшей бородой и черными, когда-то красивыми гла-

зами. Эту литургію я прослушалъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сонъ такъ меня одолевалъ, что я боялся прислониться, чтобы не заснуть стоя. Кончили въ шесть часовъ. Вообще здѣсь другая мѣра службамъ: такая ночь, какую я провель впервые въ жизни, здѣсь есть каждая ночь монаха. Въ большой церкви также была послѣ утрени и литургія, и всѣ присутствуютъ. Кромѣ того, двѣ дневныя службы (короткія), работа физическая и т. н. „келейное послушаніе“, т.-е. чтеніе молитвъ у себя въ келіи, причемъ простой монахъ кладетъ 500—600 поклоновъ, а схимонахъ — 1200 въ день (черезъ каждые 10 поясныхъ 11-ый земной). Вотъ жизнь! Но они имѣютъ очень усталый видъ.

Вчера было воскресенье, я отстоялъ позднюю литургію (начало въ 7 ч. у.), они же до нея отстояли съ 12-ти ночи до 5 утра утреню и раннюю литургію. Затѣмъ меня пригласили на общую трапезу въ громадный залъ. Приказано было посадить меня на мѣсто на мѣстника, рядомъ съ тронемъ игумена, но я рѣшительно отказался: это стѣсняетъ. За трапезой все время чтецъ читалъ съ высоченной кафедры, украшенной золотымъ летящимъ орломъ, направляющимся въ залу. Игумень былъ въ лиловой мантии съ золотыми отворотами на груди и посохомъ съ золо-

той двурогой рукояткой. Послѣ трапезы начинается чинъ панагіи, особая служба, послѣ которой раздавали кусочки освященнаго хлѣба, и его тутъ же окуривали кадилкомъ такъ, что онъ пахнулъ ладаномъ — его запивали святой водой. Все это устроено очень торжественно и красиво. Поетъ хоръ, игумень благословляетъ, монаховъ масса — большинство старики. При выходѣ трапезарь, чтецъ и поваръ лежатъ распростершись, прося прощенія за возможные упущенія и ошибки.

Но самое замѣчательное, что я вообще ви-

И. Я. Билибинъ

Каиръ

дѣль пока на Аѳонѣ, это служба отъ 4 до 6 ч. вечера въ тотъ же день — „Акаѳистъ Богоматери“. Богоматерь — покровительница Аѳона, это единственная Женщина, присутствующая здѣсь постоянно. Главная, заключительная часть службы состояла въ томъ, что игумень и два іеромонаха, въ бѣлыхъ праздничныхъ ризахъ, по очереди читали на солеѣ акаѳистъ Пречистой, образъ Которой въ это время медленно, на особыхъ невидныхъ роликахъ, спускался со своего мѣста надъ Царскими вратами — къ намъ, внизъ. Это образъ—особенный. Онъ написанъ какъ бы на золотомъ „платѣ“, ниже его тончайшей работы кружево, и онъ спускается тоже на ткани. Такъ что выходитъ, что Пресвятая Дѣва какъ бы сама является молящимся. Впечатлѣніе исключительное! Всѣ прикладываются, хоръ поетъ, необычайное воодушевленіе и удивительная красота.

... Такова, приблизительно, моя жизнь. Чувствую себя хорошо, но бываетъ и грустно. Вообще же надо сказать, что эта поѣздка совсѣмъ особенная, она какъ-то не „для удовольствія“, но и даетъ и дастъ очень много. Погода, кажется, устанавливается. Поговѣвъ, ѣду въ большое путешествіе по греческимъ монастырямъ, быть можетъ подымусь и на „шпиль“ (вершину Аѳона), какъ они здѣсь говорятъ, но это будетъ зависеть отъ разныхъ причинъ, и отъ погоды въ томъ числѣ.

Понедѣльникъ, 9 ч. в.

Сейчасъ ложусь спать. Въ 1 ч. меня разбудятъ къ заутренни и литургіи (до 6 ч. утра). Днемъ исповѣдывался у архимандрита Кирика, онъ меня совсѣмъ очаровалъ своей добротой и простотой. Послѣ литургіи выѣзжаю въ путешествіе по Аѳону — мнѣ даютъ лодку и монаха, бывшаго антипросопа (представителя въ греч. кинотѣ), знающаго по-гречески. Нынче погода чудная. Если завтра и послѣзавтра будетъ такъ же, мы подымемъ на „шпиль“, гдѣ стоитъ церковь Богородицы, господствующая надъ всѣмъ Аѳономъ. Увидимъ отшельниковъ, посѣтимъ греческую лавру и знаменитый монастырь Ватопедъ. Дней черезъ 5-6 вернемся въ Пантелей-

монскій монастырь, гдѣ проведу еще нѣсколько дней до парохода.

5 час. 30 мин. утра.

Только что причащался. Сейчасъ ѣдемъ съ о. Пануфріемъ въ лодкѣ на Карулю и въ лавру.

Суббота 21 мая.

Вернулся изъ пятидневнаго путешествія по Аѳону — поѣздка во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпная и рѣдкостная. Вотъ начало путешествія: 7 час. утра, я предшествующую ночь говѣлъ и не спалъ вовсе, ни одной минуты, но чувствую себя отлично. Садимся въ лодку. Погода райская, вода зеркальной голубизны. На руль о. В., съ нимъ нѣмецъ, дальше я и мой проводникъ о. Пануфрій. Лодка трогается, о. Пануфрій начинаетъ пѣть „Христосъ Воскресе“, я подтягиваю. Заливъ намъ въ этотъ часъ очень напоминаетъ Геннисаретское озеро, и о. В., съ нѣжными кудрями волосъ, раздвоенной слегка бородой, кротостью и внутреннимъ свѣтомъ тоже возводитъ къ евангельскому разсказу. Плыдемъ полтора часа. Монастырь Діонисіатъ.

Здѣсь скрывался въ уединеніи патріархъ, подъ видомъ простаго рабочаго (искалъ смиренія).

Когда однажды несъ вязанку хворосту въ монастырь, колокола сами зазвонили, его узнали.

Таковъ воздухъ этого путешествія. Заѣзжали въ Григоріатъ (тоже монастырь). Въ древнемъ маленькомъ соборѣ прикладываемся къ образу св. Николая Мирликійскаго — тоже древнему.

Далѣе идетъ Каруля. Пристаемъ подъ отвѣсными скалами, подымаемся по крутизнѣ.

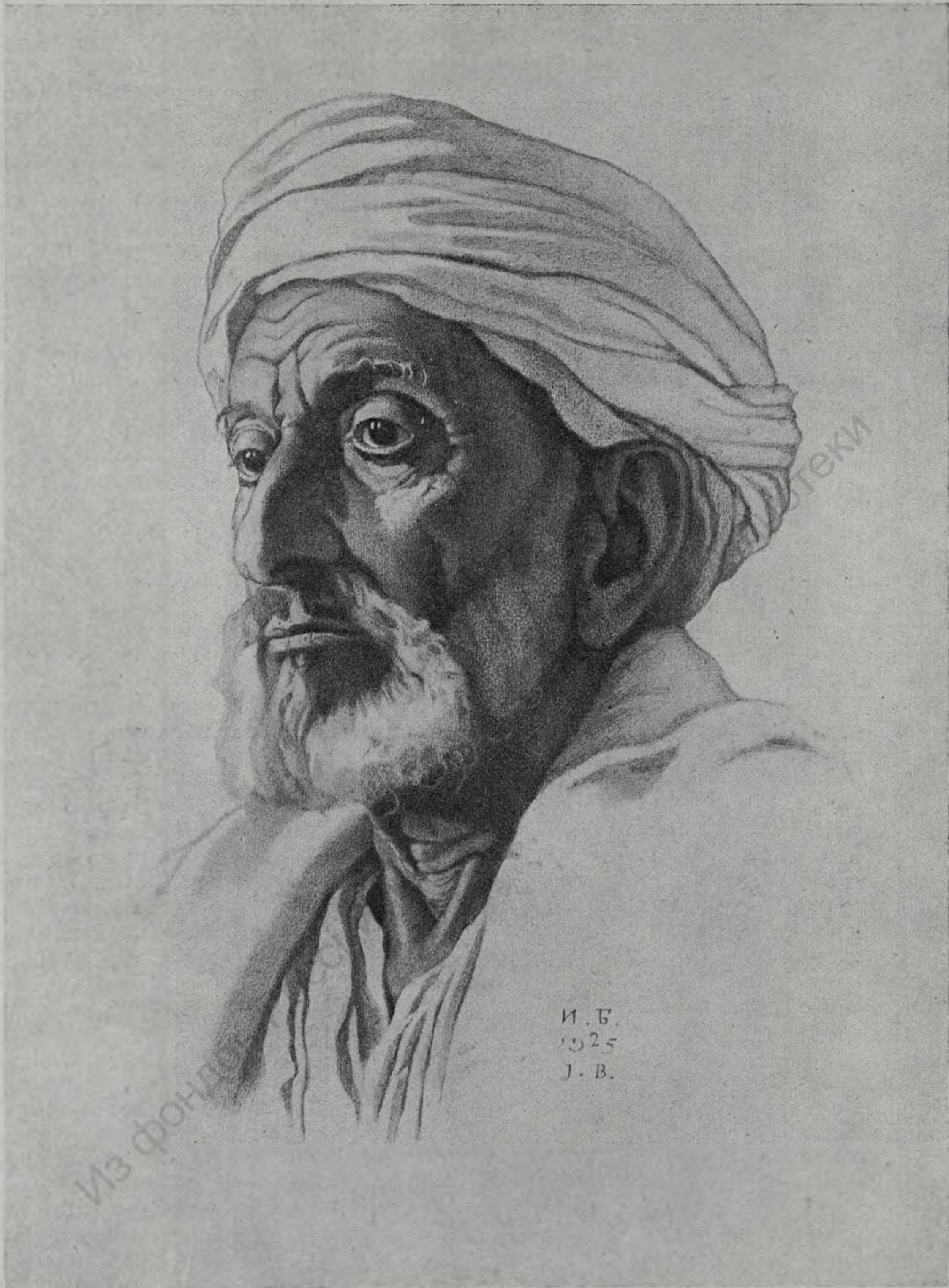
Нигдѣ по опасному мѣсту не шли, но смотрѣть жутко, гдѣ живутъ! Есть мѣста, гдѣ надо пролѣзть въ дырку рядомъ съ бездной, или идти по краю скалы, придерживаясь за веревку. Здѣсь живутъ пустытники въ маленькихъ хибаркахъ. Къ одному изъ нихъ мы и приходимъ.

Всѣмъ встрѣчнымъ здѣсь говорятъ: „Христосъ воскресе“, — отвѣчаютъ: „Воистину, воскресе“.

И. Я. Билибинъ

Монастырь св. Саввы Преосвященнаго

И. Я. Билибинъ

Старый бедуинъ

Тутъ только христiане, и ничего другого не существуетъ, кромѣ Бога. Въ каждомъ домикѣ маленькая церковь.

Къ сожалѣнiю, у о. Ѡ., удивительнѣйшаго (и образованнаго) отшельника, намъ испортилъ дѣло нѣмецъ своей нелѣпостью и ненужностью. Нѣтъ, вообще

Аѳонъ только для русскихъ! Иностранцамъ онъ непонятенъ. Если интересуются, то изъ снобизма.

...Усталъ, ложусь спать. Завтра иду къ литургiи поздней, то-есть въ семь часовъ утра, и пойду смотрѣть колокольный звонъ.

Бор. Зайцевъ

ОТШЕЛЬНИКЪ

Гонимый неправдой земною,
Въ тайгѣ я забвенья искалъ.
И вотъ въ ясный день предо мною
Возникъ неоглядный Байкаль.

И было Священное Море
Подобно простору небесъ.
И принялъ Байкаль мое горе.
И боль схоронилъ древній лѣсъ.

Съ молитвой я срубъ свой поставилъ,
Лампаду свою засвѣтилъ.
И вотъ насъ Господь не оставилъ
И миромъ своимъ посѣтилъ.

Вотъ — небо. Вотъ — синее море.
Какая кругомъ тишина.
Миръ Божій. Растаяло горе.
Душа моя съ Богомъ ясна.

ЧУЛЫМЪ

Прохладный часъ июньскаго восхода.
На листьяхъ травъ алмазная роса.
Погожий день стоитъ уже у входа.
Въ лучахъ зари зеленые лѣса.

А тамъ, внизу — цвѣтушая долина.
Змѣистой лентой свѣгится рѣка.
И корабли золотые исполина —
Плывутъ въ лучахъ побѣдныхъ облака.

И надъ рѣкой дремавшая заимка
Возникла вдругъ, а шапка-невидимка —
Рѣчной туманъ — разсѣялся, какъ дымъ.

Ужъ высоко торжественное солнце
И льетъ, и льетъ горящіе червонцы,
И весь въ огнь извилистый Чулымъ.

Бостонъ, 1928 г.

Леонидъ Тульпа

Какъ государя Павла Петровича фельдмаршалъ Суворовъ за несоблюденіе дисциплины военной арештировалъ.

Съ фельдгегеремъ въ простой кибиткѣ рогожной гналъ фельдмаршалъ Суворовъ въ Санктъ-Петербургъ, письмо заложивши государыни на самомъ днѣ походнаго своего ларца.

Да и ларець же былъ у него, изъ досокъ еловыхъ сколоченный саморучно, не герою Россійскому приличный, а у солдата иного лучше и виднѣе бывали.

Во всѣхъ походахъ возилъ его съ собою фельдмаршалъ, и коли барабаны въ чисткѣ считались и въ угоду ему скоро какого достать не могли, рапортовъ государыни матушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и писемъ Суворочкѣ своей на немъ изрядное множество писалъ, простотой сердешной умъ свой и доблесть скрывая.

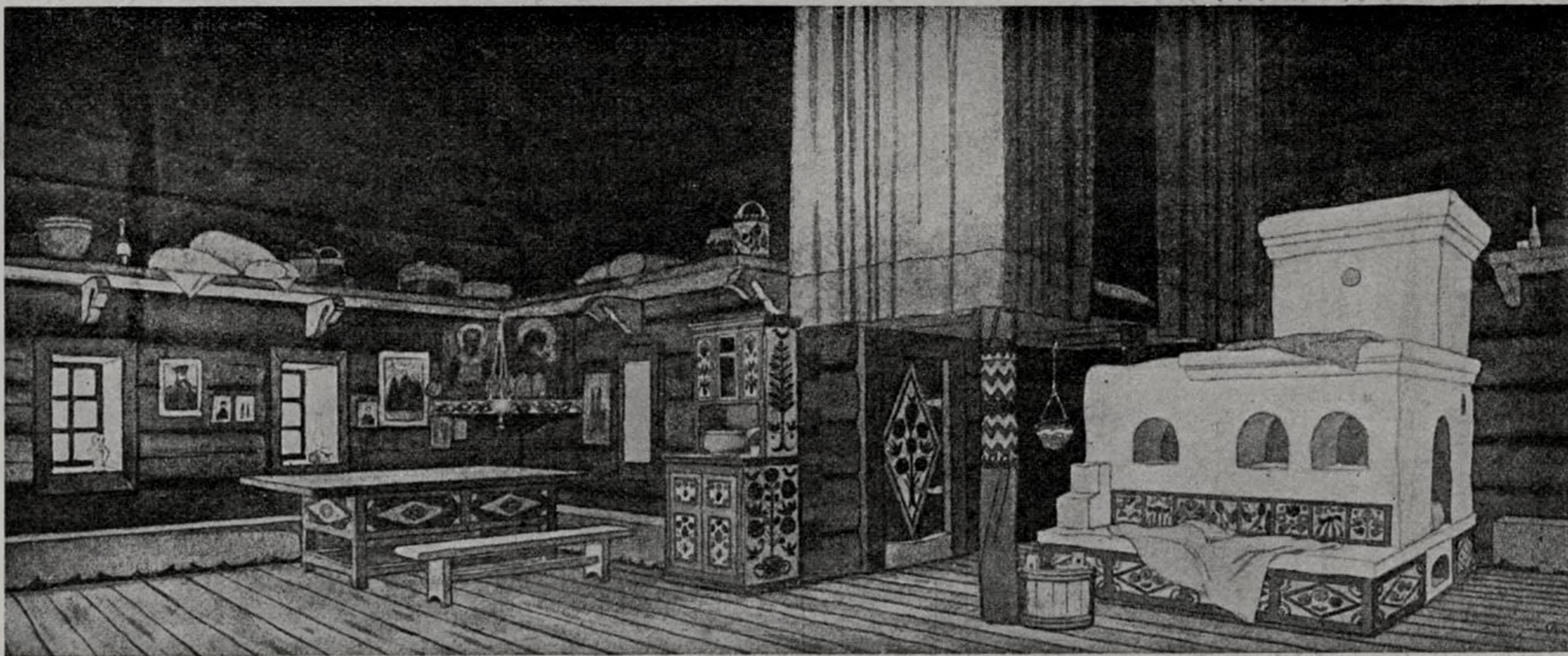
И Кинсбурнь, и Рымникъ, и Измаиль, и Варшаву бунтарскую ларець видалъ и вмѣстѣ съ плащишкомъ старенькимъ инвентаріемъ непремѣннымъ считался. Самъ Потемкинъ свѣтлѣйшій о ларцѣ

семь упоминалъ, и шутили при дворѣ изрядно, что не мало вельможъ Россійскихъ и иноземныхъ, въ походѣ къ фельдмаршалу дѣла имѣвшихъ, на ономъ сидѣть удосуживались, грубость его сквозь тонкость одеждъ своихъ ощущая.

Фельдгегерь же, съ кибиткой по ухабамъ качаясь и подъ колокольца малиновые похрапывая сладко, не разъ объ острые его углы крѣпко убивался и многое думалъ сказать объ углахъ тѣхъ, да попугчика своего нравъ и обычай зная, думы свои изложить не смѣлъ, неприятство къ ларцу сему однако въ памяти надолго сохранивши, но за честь особливую почиталъ отъ фельдмаршала на станціи слышать, когда тотъ съ усмѣшкой пріятной сахаръ изъ ларца вынимая, говаривалъ: „Въ прикусочку чайкомъ побалуемся!“ Во время морозами лихое горячій напитокъ сей весьма утѣшенъ былъ.

Выкушавъ оный, пока лошадей мѣняли, съ ребятами тутошными за-

И. Я. Билибинъ

„Власть тьмы“ (декорація избы)

бавлялся, пѣтухомъ пѣлъ и присказки многія и потѣшныя мальчикамъ пересказывалъ; когда же мѣшкались и долгое время напрасно ждать фельдмаршалу приходилось, нетерпѣніемъ кипѣлъ, сердился и кричалъ, но прощаясь и по плечу виноватаго глядя, такъ говорилъ душевно: „Чего ты меня такъ замѣшкалъ? Помилуй Богъ, вѣдь къ чудо-богатырямъ ѣду! Эхъ ты, нехорошо!“ съ укоризной такой и ласковостью, что тотъ безъ хитрости за промѣшку свою грѣшникомъ себя великимъ мысля, руку фельдмаршалскую со слезами цѣловалъ.

Въ потасканномъ синемъ плащишкѣ своемъ, роста малаго и видомъ щуплый, съ фельдъегеремъ — молодномъ, статнымъ — рядомъ совсѣмъ никудашнымъ казался, а въѣхавши въ столицу Имперіи Россійской, ночей не спавши довольно, прямо въ резиденцію государя везти себя приказалъ, духомъ нимало не приставши, но фельдъегеря до хворости смотавъ. Замокъ, что отъ Царицына луга недалече и межъ Фонтанкой и улицей Садовой построенъ, императоръ Павелъ Петровичъ резиденціей государевой назначить изволилъ и порядки тамъ новые и чудные завелъ, такъ что послѣ вечерней зори даже великимъ замокъ не иначе какъ черезъ потерну гауптвахты доступень былъ.

Фельдмаршалъ же Суворовъ, порядковъ новыхъ не вѣдая, прямо ко главному подъѣзду лихо подкатилъ, изъ кибитки выпрыгнулъ и доложить о себѣ приказалъ.

Офицеръ — гауптвахты дворцовой начальникъ — о порядкахъ вечернихъ ему рапортировалъ и, на ходъ въ потерну указуя, слѣдовать за собою просилъ, на что фельдмаршалъ, чинъ свой высокій въ умаленіи считая, отвѣтствовала офицеру такъ:

„Поди доложи государю, что пріѣхалъ Суворовъ, и ежели

государь дворецъ свой за крѣпость мнитъ, то должно быть ему вѣдомо такъ же, коли фельдмаршалъ крѣпость какую посѣтитъ намѣренъ, то ворота подобаетъ открыть настежь и встрѣчу должную играть, какъ во всемъ свѣтѣ обычно и почитаемо есть“.

Съ рапортомъ такимъ офицеръ бѣглымъ маршемъ удалился, не зная какъ изъ неловкости выйти, и отъ государя такое повелѣніе принесть: „Здѣсь по своимъ обычаямъ и порядкамъ не Суворовъ, а Павелъ править, а въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. Приказаніе немедля исполнить должно и въ порядкѣ государю угодномъ!“

Суворовъ, нигдѣ никогда не отступая, и здѣсь непреклонность свою показавъ, отвѣтствуя чину своему достойно: „Пусть такъ, а Суворовъ и къ царю, и къ врагу лишь черезъ главные ходы ходитъ, а иначе уже навсегда обратно на покой ѣдетъ“.

Государь Павелъ Петровичъ, прямо, твердость и остро словіе въ приближенныхъ своихъ почитая, чрезъ парадныя двери фельдмаршала ввести велѣлъ, встрѣчу должную играя, и у лѣстницы его ожидая, милостиво облобызавъ сбирался, когда тотъ, переговоры неоконченными думая, государю сказалъ:

„Ваше Величество! За незнаніе дисциплины военной коменданта крѣпости сей прошу передать мнѣ шпагу, но молодость и неопытность въ дѣлахъ сихъ въ немъ признавая, утромъ шпагу ему обязуюсь вернуть“.

Государь, шпагу свою Суворову вручивъ и утромъ ее обратно принявши, отмѣнно сей исторіей доволенъ былъ, за доблести новыя въ походахъ Италійскихъ генералиссимусомъ назначилъ, и до самой смерти своей генералиссимусъ Суворовъ государемъ весьма почитаемъ былъ.

С. М.

